

МАРГО ЭРВАНД

МИМИКРИЯ

Марго Эрванд

Мимикрия

«Издательские решения»

Эрванд М.

Мимикрия / М. Эрванд — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518414-6

Кто я? Для того чтобы ответить на этот вопрос, главной героине придется не просто посмотреть в зеркало, но заглянуть вглубь себя. Встретиться лицом к лицу с прошлым, от которого она так отчаянно скрывалась последние восемь лет жизни. Кто я? Для одного достаточно просто быть чьим-то братом или сестрой. Для другого определяющим становится профессия. Но как быть, если для самоидентификации тебе нужно убить другого человека?

ISBN 978-5-00-518414-6

© Эрванд М.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Часть II	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Мимикрия

Марго Эрванд

Все события и герои вымышлены.

Любые совпадения с реальными личностями случайны.

Редактор Мариан Келли

Корректор Марина Гончарова

© Марго Эрванд, 2020

ISBN 978-5-0051-8414-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Глава 1

«Кто я?» – это риторический вопрос, который я почему-то произношу вслух. Хотя точно знаю, что я совершенно одна, а эта девушка с незнакомыми мне пухлыми щеками и длинными золотистыми волосами, что безмолвно смотрит на меня в зеркале, – худший собеседник. В этом большом каменном доме, одиноко стоящем на холме, нет никого, кроме меня. Я привыкла к одиночеству, правда, не очень понимаю, как долго оно длится. Нет, у меня нет амнезии, я помню свое имя и точно знаю, почему нахожусь здесь. Я люблю бродить по этим комнатам, утопая ногами в шелковых коврах, прикасаться к деревянным поверхностям, чувствуя ладонью все изгибы и неровности. Мебель в доме старая, добротная. Я не знаю судьбы ни засечек на журнальном столике, ни царапин на комодке, но мне нравится придумывать истории. Мне кажется, я наполнила ими весь дом и каждая вещь зажила своей жизнью. Так мне спокойнее. Так я не одна. В особенно тяжелые моменты я поднимаюсь наверх, не в спальню. Выше. Туда, где под сводами крыши свободно гуляет ветер, откуда открывается потрясающий вид на небольшой водоем, которого не найти ни на одной карте и который я называю озером. Здесь нет вещей семьи Дэвида, во всяком случае они не смотрят на меня в открытую, а прячутся в коробках, скрываются в груде тряпья по углам. Единственное, что я вижу, – это маленький коврик и кресло-качалка, которые я купила на распродаже и тайком притащила сюда. Мне нравится осознавать, что в этом большом каменном доме теперь есть что-то действительно мое. Не по праву замужества, а по праву моего личного выбора. Это мой мир.

И все-таки кто я?

Глава 2

В моем сегодняшнем состоянии сложно судить, когда все началось, но, мне кажется, точкой отсчета можно взять день, когда я иду устраиваться на стажировку в редакцию журнала. Шон работает там штатным фотографом, и у нас роман. Идея быть журналистом всегда откликнулась в моей душе. Я представляла себя в деловом брючном костюме, туфлях и с кожаной папкой в руках. Но в тот самый первый рабочий день на мне джинсы и майка, делового костюма у меня никогда не было, и Шон отказался мне помочь его купить. Вообще-то он поднял на смех мою идею, и вскоре я поняла почему. В редакции журнала «Фокус» шумно и суетно. Позже я узнаю, что это был день сдачи текстов в печать, но в тот момент я останавливаюсь в дверях, чувствуя, как от страха наливаются свинцом мои ноги. Мои пальцы крепко сжимают большой блокнот в кожаном переплете, на папку денег не хватило. Я чувствую, как Шон подталкивает меня в спину, и делаю первый шаг в новую жизнь.

Мы идем с ним между столами, и, пока Шон обменивается словами приветствия с коллегами, я озираюсь по сторонам, пытаюсь понять, каково это – быть частью этого мира. Молодой парень с взъерошенными темными волосами сидит в двух шагах от меня, он разговаривает с кем-то по телефону, тарабани пальцами по клавиатуре. Его движения кажутся мне такими резкими и грубыми, что, не будь перед ним компьютера, я бы решила, что он забивает гвозди. Наверное, я слишком явно его изучаю, потому что он поднимает на меня свой взгляд и подмигивает. Он симпатичный, но я почему-то отвожу взгляд в сторону, еще сильнее сжимая руку Шона. На этот раз он уже говорит с каким-то взрослым мужчиной с глубокими залысинами и коротко стриженными седыми волосами. Я не слушаю, о чем они говорят, и, быстро поздоровавшись, устремляю свой взгляд туда, где возле кофеварки стоят две девушки. Они обмениваются репликами и переглядываются, точно темой их беседы является кто-то из коллег. Но я думаю, они говорят обо мне. Удивительно, но я чувствую укол ревности, глядя на одну

из них – сексуальную блондинку в джинсовом комбинезоне и коротком топе, обтягивающем ее пышную грудь, при этом оставляя открытым плоский живот. Шон никогда не рассказывал, что у него есть такая привлекательная коллега. Я смотрю на него, но он продолжает разговаривать со стариком, девушек он, похоже, не замечает.

Я слышу обрывок фразы «передавай ей от меня привет» и понимаю, что разговор со стариком закончился. Провожая его улыбкой и позволяю Шону вести меня дальше. Еще пара шагов – и перед нами необъятной глыбой вырастает какой-то мужчина. Он представляется Говардом и, добродушно улыбаясь, крепко сжимает мою руку. Ладошка у него пухлая и влажная, мне хочется поскорее вытянуть кисть, но вместо этого я отвечаю ему улыбкой. Я умею производить хорошее впечатление, если нужно. Мои уши уже привыкли к надрывающемуся звонку телефона и общему гулу голосов, теперь я могу различить, что говорит Говард. Он спрашивает, как меня зовут и как давно я знаю проныру Шона. Я впервые слышу, чтобы кто-то называл Шона пронырой, хотя те двое друзей, с которыми он сидел в баре в день нашего знакомства, – единственные, кого я знаю. Но теперь он привел меня в свою семью – редакцию журнала «Фокус».

Я не успеваю дать ответ Говарду, и, судя по тому, как он смеется какой-то шутке Шона, едва ли он в нем нуждается, когда в комнате раздается пронзительный женский крик:

– Чтобы через десять минут у меня на столе был план второй тетрадки!

Ее голос режет слух, потому что звучит в полной тишине. Но теперь, когда дверь с хлопком закрылась, комната снова наполняется голосами.

«Она сегодня не в духе... Будь лапочкой!» – слышу напутствия Говарда, и только подойдя к двери с надписью «Главный редактор Долорес Колинз», я понимаю, что он их адресовал не Шону, а мне. Во рту пересохло, а в ушах теперь я слышу стук сердца. Он перебивает все остальные звуки. Мне страшно.

– Долли, можно к тебе на минутку? – заискивающе спрашивает Шон, просовывая в щелку голову.

Вероятно, она дает согласие, потому что он тащит меня внутрь. Наверное, я должна что-то сказать, хотя бы поздороваться, но язык отказывается поворачиваться. Я, как немая, смотрю на нее, часто хлопая глазами. Со стороны я выгляжу, скорее всего, дурой, но они, кажется, этого не замечают. Шон оставляет меня стоять в дверях, а сам идет к невысокой худощавой женщине средних лет. На ней элегантный брючный костюм, туфли, очки в роговой оправе. Она выглядит в точности так, как мне мечталось. Разве только явно старше меня и жгучая, коротко стриженная брюнетка. Крепко сжимаю блокнот в руках, одергиваю майку и наконец позволяю себе взглянуть ей в глаза.

– И откуда ты такая взялась? – спрашивает она, присаживаясь на край своего стола. Шон стоит рядом с ней и глазами пытается мне что-то сказать. Я его не понимаю. – В нашей профессии молчанием ты себе на хлеб с маслом не заработаешь!

– Добрый день, – произношу я каким-то чужим голосом.

– Интересное начало, – ухмыляется она, и в этот момент в комнате раздается звонок телефона.

Она оценивающе смотрит на меня, дотягиваясь до аппарата. Длинная черная спираль, соединяющая красный телефон с трубкой, раскачивается над столом, притягивая мое внимание. В этот момент мне хочется смотреть на что угодно, только не на Долорес. Воспользовавшись заминкой, Шон подходит ко мне. Он недоволен мной. Я его подвожу.

– Мистер Герра, мы договаривались о встрече завтра, у нас сегодня номер верстается, – когда Шон перестает шипеть на меня, мы слышим обрывок фразы Долорес, от которой в глазах Шона появляется опасный блеск. – Хорошо, я перезвоню.

Телефонный разговор закончился, и Долорес Колинз вновь пронзает меня своим колющим взглядом. Наверное, мне нужно что-то сказать. Я вижу, как Шон подходит к ней, что-то говорит, но у меня в ушах только стук сердца. Да что со мной такое?

– Я хочу и могу быть журналистом, – произношу я.

Теперь Шон тоже смотрит на меня. И я понимаю, что нужно говорить. Это происходит неожиданно, но парадокс в том, что заранее я бы этого никогда не придумала:

– Шон мне много о вас рассказывал. О том, какой вы профессионал и замечательный руководитель. Мне очень нравится этот журнал, да что там нравится – я ваша фанатка. Но я и представить не могла, что когда-нибудь смогу оказаться здесь, смогу познакомиться с вами лично. Простите меня за эту заминку, но можете быть уверены, этого больше не повторится. Я быстро учусь.

Эта маленькая речь лишает меня сил. Во рту снова становится сухо. Едва ли я смогу что-то добавить, но Шон приходит мне на помощь. Он хлопает в ладоши и с неестественно широкой улыбкой обращается к Долорес. Он говорит обо мне, я это знаю, но сердце так стучит в груди, что по коже бежит мороз. Я знаю, она уже все решила. Я ей не нужна. Она выставит меня за дверь и вслед громко крикнет что-то оскорбительное, чтобы все вокруг проводили взглядом мою постыдную капитуляцию. И о чем я только думала?

– Ты справишься? – ее голос режет меня по живому, но это не то, к чему я готовилась.

Еще мгновение – и мой рот самопроизвольно откроется в удивлении, брови уже поползли на лоб, но я вовремя беру себя в руки. У меня нет времени на раздумье. Второго шанса у меня не будет.

– Да, конечно, – соглашаюсь я, хотя понятия не имею с чем. – Я все сделаю.

Только выйдя из кабинета со списком вопросов в руках, я осознаю, что я сегодня беру интервью.

– Увидимся вечером, не подведи! – подбадривает меня Шон.

Со мной он не идет, и я провожаю его взглядом. Он скрывается за ширмой, и, мне кажется, я вижу, как он в знак приветствия прикасается губами к щеке блондинки. Мне хочется остаться с ним, хочется получить какую-то рутинную работу, о которой он мне говорил, но вместо этого я твердым шагом иду к выходу: у меня редакционное задание. Я стараюсь не оборачиваться, хотя мое богатое воображение и без этого рисует картинки, одна страшнее другой. Я вижу, как его пальцы скользят по загорелой коже этой девушки. Вижу, как она довольно запрокидывает голову назад и локоны белоснежных волос каскадом падают ей на спину. Она смеется над его шутками, она смеется мне в лицо. Кто она? А главное, кто я?

Офис архитектора-конструктора находится в нижней части Манхэттена. На дороге в метро у меня уходит не больше получаса, за которые я пытаюсь максимально подготовиться к интервью. Я не раз видела в кино, как журналисты приходят на встречу, как задают каверзные вопросы, но сейчас все это кажется каким-то лживым и ненастоящим.

«Здравствуйте, меня зовут... Нет, что за бред?!» – ругаю я себя и тут же снова принимаюсь строить новую фразу: – «Меня прислали из журнала, я задам вам несколько вопросов...» Фу, нет! Не так. Но как? Как? Это должно быть по-настоящему. В магазине мне было проще, но работа продавцом в прошлом, я должна перейти на новый уровень. Я уже это сделала.

Двери метро открываются, и меня в общей массе людей выплевывает на станцию. Три года назад, когда я впервые приехала в Нью-Йорк, то была потрясена. Я ходила по улицам Манхэттена как дикарь, который впервые столкнулся с благами цивилизации. Мне хотелось ко всему прикасаться, провожать взглядом очередную небоскреб, вдыхать аромат улиц, даже тех, которые стоило обходить стороной. Этот город меня очаровал, это была любовь с первого

взгляда. И сегодня, спустя столько времени, мне бы очень хотелось сказать, что все эти эмоции в прошлом, что я изменилась и научилась принимать окружающее меня величие как должное, но это не так. Я люблю этот город, и иногда мне кажется, что он отвечает взаимностью.

Офис Дэвида Герра, именно это имя значится на визитке, приколотой к листку с вопросами, находится на углу Уолл-стрит и Фронт-стрит, на 25-м этаже. Пережив унижительную сцену досмотра на входе, я наконец получаю возможность продолжить свой путь, и уже через пару минут двери лифта распахиваются на нужном мне этаже. Дверь с табличкой «2504» прямо напротив меня. Удивительное везение, от которого у меня скручивает внутренности. Я сама себя не узнаю, но отступить нельзя.

Хватаюсь за ручку и без предварительного стука вхожу внутрь. В тесной приемной помещается только стол, за которым сидит секретарь. Молодая девушка смотрит на меня так, как будто от меня пахнет перегаром. Но это не так, хотя после поездки в переполненном метро я не уверена ни в своем дезодоранте, ни парфюме, купленном на распродаже. Но прежде всего я не уверена в себе.

– Добрый день, я из журнала «Фокус», у меня назначена встреча с мистером Герра, – говорю я неестественно бодрым голосом.

– Одну минуточку, я уточню, – сообщает девушка, минуя слова приветствия.

Она встает из-за стола и, протиснувшись в узком проходе, предупредительно стучит в соседнюю дверь.

– Вы можете войти, он вас ждет, – сообщает она, снова поворачиваясь ко мне.

Тонко улыбаюсь ей, чувствуя, как волна напряжения сходит на нет. Дверь плавно закрывается за мной, и я оказываюсь в комнате немногим больше приемной: стол и два стула для посетителей. Ну и, конечно, разительная разница в том, что здесь меня встречает мужчина с внешностью греческого бога. Он сидит за столом, жестом приглашая меня занять один из стульев. В руках он держит телефон, но не говорит, а слушает, делая какие-то пометки в ежедневнике.

– Хорошо. Я перезвоню через час, и мы все решим. До связи, – я слышу его низкий бархатный голос.

Не помню, чтобы кто-то мог произвести на меня такое впечатление обыденной фразой, и тем не менее у меня по коже бегут мурашки. Я улыбаюсь. Наверное, это непрофессионально, но я ничего не могу с собой поделать.

– А она уверяла меня в том, что никого не может прислать, – замечает он, щелкая языком. – Любите, когда с вами по-жесткому?

– Никогда не была поклонницей пряников, – отвечаю я, не сводя с него глаз.

Такого ответа он от меня не ждал. Он в замешательстве. Его глаза сужаются до щелочек, и он одергивает галстук.

«Что ты делаешь? Это твой реальный шанс получить хорошую работу!» – мысленно ругаю себя, опуская взгляд.

– Приступим к интервью? – спрашиваю я, скользя взглядом по бумажке с вопросами, которые уже успела выучить наизусть.

– Вы давно работает в «Фокусе»? – спрашивает он, и у меня перехватывает дыхание: одна неловкая фраза – и образ репортера разлетелся вдребезги.

– Сегодня мой первый рабочий день.

Он облакачивается на спинку кресла и смотрит на меня в упор. Кажется, он только сейчас по-настоящему меня увидел. До этого я была для него какой-то безликой журналисткой, а теперь я вызываю интерес. По крайней мере, я хочу в это верить.

– Либо ваш редактор идиотка, либо вы необычайно талантливы.

– Думаю, оба эти утверждения верны, – сообщаю я, теряя мне уже нечего.

Улыбка у него такая же идеальная, как и он сам: ослепительная и манящая. Она, словно луч света, затмевает все вокруг, я не могу устоять перед его чарами. Я улыбаюсь в ответ, хотя точно знаю, что улыбка – это не самая сильная моя сторона.

– А ты смелая! – говорит он.

– А ты красивый! – отвечаю я.

В тот день я делаю свое первое интервью. А еще в тот день я впервые трахаюсь с мужчиной, которого знаю не больше тридцати минут. Это определенно новый уровень.

Глава 3

Я брызгаю себе в лицо холодной водой – пытаюсь смыть синяки под глазами. Хлопаю себя ладошками по щекам – пытаюсь избавиться от этой одутловатости и вместе с этим вернуть лицу природный румянец. Все тщетно. Таблетки, которые я пью горстями, надежно впелились в мою ДНК. Пустили могучие корни в моем теле. Корни, но не плоды.

Я вытираю лицо полотенцем. Моя сухая кожа саднит уже от одного прикосновения. Надо бы начать пользоваться кремом. Но мне лень... сегодня. А может быть, всегда? Я не знаю. Не помню. Стараясь больше не встречаться взглядом с чужачкой в зеркале, я выхожу из ванной и ползу вниз по ступенькам. Лестницы в доме крутые. Иногда мне кажется: я могу упасть. Иногда мне даже хочется сделать это. Я представляю, как кубарем лечу вниз, рассекаю бровь о торчащий гвоздь на третьей ступеньке сверху и кровь тонкой струйкой стекает по лицу; ломаю руку ровно в середине пути, сочный хруст кости звучит у меня в ушах. Я успеваю только вскрикнуть, но уже через мгновение перед глазами все гаснет и наступает вечная темнота. Я свернула шею. У меня богатое воображение, и я искренне пытаюсь держать его в узде.

Я спустилась вниз – и я жива.

Глава 4

С заданием я справилась. По крайней мере, гримза Долорес молчит и не орет на меня, как на Бриджит несколько минут назад. Так зовут эту пышногрудую блондинку, что сидит через стол от меня. Она мне по-прежнему не нравится, но вместе с этим я приняла ее приглашение сходит с ней и Зоуи, еще одна девушка в редакции, на кофе в «Старбакс». Мы садимся у окна. Каждая делает по глотку из своего бумажного стакана. Я пью капучино, девушки – латте. За нашим столиком чувствуется растущее напряжение. Нам не о чем говорить. И тем не менее Бриджит решается прервать гнетущую тишину, нарушаемую работой кофе-машины и бурными приветствиями бариста:

– Гримза сегодня как с цепи сорвалась, вы ее слышали? Она отчитала меня как ребенка. А что я сделала?

– Ну вообще-то ты чудом избежала штрафа, – замечает Зоуи, делая глоток кофе.

Она причмокивает. Это раздражает, но я молчу. Мне нечего сказать, но они этого не знают.

– Что значит «штрафа»? Между прочим, я предупреждала ее, что материал еще сырой, что у меня еще не все доказательства собраны. Но разве она меня слушала? Ей нужна была сенсация! А теперь спустила на меня всех собак, да еще и сделала это публично! – возмущается Бриджит, и ее шея покрывается багровыми пятнами.

Такие следы были и у меня, когда Рон, пытался меня задушить. Я рефлекторно прикасаюсь к горлу, и кажется, чувствую жар, идущий изнутри. Наверное, я сильно увлеклась воспоминаниями о прошлом, потому что теперь они обе смотрят на меня и чего-то ждут. Неужели я должна принять участие в этой беседе.

– Как бы там ни было, это опыт, из которого нужно уметь извлекать пользу, – говорю я и вижу, как их лица вытягиваются в непонимании.

– Бог с ней, с Гримзой! Ты нам лучше про Шона расскажи. Давно вы с ним вместе? – спрашивает Бриджит, и я вижу странный блеск в ее голубых глазах.

Шон о ней никогда не говорил, ни до того, как привел меня в редакцию, ни после. А спрашивать я не стала. Зачем? Я и сама все вижу. О прошлом я судить не могу, но я точно знаю одно: Бриджит хочет его, моего мужчину. Моего Шона. Мне хочется плеснуть горячий кофе прямо ей в лицо. Она это заслуживает. Я так чувствую. Но это блажь, которую я не могу себе позволить. Не сегодня. Не сейчас.

– А почему тебя это интересует? – спрашиваю я, выгадывая время. Такого вопроса я не ожидала, по крайней мере так скоро.

– Просто мы же коллеги, – с заминкой отвечает она, но я вижу, как на ее белоснежной коже снова появляются красные кляксы.

Я наклоняю голову набок и какое-то мгновение наслаждаюсь этой картиной. Она нервничает. Для нее этот вопрос не праздное любопытство, ей важен мой ответ.

– Иногда мне кажется, что мы знакомы целую вечность. Мы с ним как пазлы, плотно вошли друг в друга. До самого конца и без остатка, – отвечаю я, подкрепляя свои слова наглядным жестом: медленно сплетаю между собой пальцы рук.

Девушки смотрят на меня как зачарованные, а ведь я еще не покрутила перед ними маятник, колесико или что там обычно используют гипнотизеры? А Рон был уверен, что из меня получится никудышный заклинатель змей. Эх, видел бы он меня сейчас!

– То есть у вас все серьезно? – решается задать мне вопрос Зоуи.

Она брюнетка, но не та, про которую можно сказать знойная. Все в ней какое-то странное и нескладное: торчащие уши, курносый нос, маленький рот и глаза в форме растянутой капли. Глядя на нее, мне даже хочется плакать. Но к черту сантименты, я чувствую ее змеиное жало.

– А почему моя личная жизнь вызывает такой интерес? Может быть, лучше обсудим, к примеру, тебя, Бриджит? Я так понимаю, с парнем своим ты рассталась и сейчас в активном поиске, верно?

Такого поворота она не ожидала. Да и у Зоуи лицо вытягивается в точную копию маски, которую обычно используют на Хэллоуин. Я улыбаюсь. Не могу больше сдерживаться. Это ж надо, так не повезло и с внешностью, и с подругой. На фоне сексапильной блондинки Бриджит даже теперь, когда краска снова пятнами ползет по ее тонкой шее, Зоуи выглядит действительно жалко.

– Никого я не ищу, и уж точно не Шона. Зачем он мне сдался, тем более что он занят? Он же с тобой. Вы какой-то там пазл, – огрызается она.

Но я чувствую, как обида и боль клокочут у нее в горле. Еще одна колкая реплика – и она точно разрыдается. Уверена, что разрыв с парнем был недавно и рана в сердце до сих пор кровит. Я знаю, какого это, поэтому делаю шаг назад.

– Идеальный пазл, – уточняю я.

Нет, мне ее не жаль. Она сама напросилась, я просто защищаю свое. Шон мой, и это не обсуждается.

После инцидента в кафе девушки меня не замечают. Но я не в обиде. Мне все равно. Я никогда не умела дружить с женским полом. В детстве у меня не было в этом нужды, а в 22 уже поздно что-то менять. В остальном можно сказать, коллектив меня принял в семью. В общем зале десять столов вместе с моим. Каждый из них закреплен за определенным журналистом. Картер Прайс – высокий мужчина средних лет, с прической, больше похожей на гнездо, аккуратно выложенное из сухой соломы. Пару дней назад он неудачно пошутил, что, если мне надоест Шон, он первый в очереди. Я не смеялась. Лэнс Томпсон – коренастый молодой парень, именно он в мой первый рабочий день неистово стучал по клавиатуре. Он не пытается со мной заигрывать и вообще установить контакт, напротив, даже держится от меня подальше. Это

странно, но пока у меня нет времени выяснять причины этого. Нолан Вуд, насколько я знаю, здесь самый старший. Кто-то сказал, что он то ли дальний родственник Долорес, то ли и вовсе ее любовник, но сам он пару дней назад рассказал мне, что каждый день ходит по лезвию ножа, ожидая получить расчет от нашей Грымзы. Не думаю, что его с Долорес связывает хоть что-то, помимо работы. Оззи Грей – настоящий тусовщик и балагур. С ним весело, но я стараюсь не злоупотреблять его обществом, особенно после того, как косо на нас как-то глянула Грымза. Отис Ли – важная шишка, он пишет заглавные статьи журнала, и я вроде как его помощница. Он ежедневно снабжает меня своими диктофонными записями, которые я к концу рабочего дня должна вернуть ему в печатном варианте. Он требовательный, но не вредный. Время от времени я получаю от него не только вежливое спасибо, но и шоколадку. Райан Мур – единственный, кто на работу приходит в костюме и галстуке. У него есть семья, а недавно родились мальчишки-близнецы. Его стол находится рядом с моим, и мы часто с ним болтаем. Он, пожалуй, единственный, кроме Шона, с кем у меня в редакции так много общего. Также в зале сидит Шон, ну и Зоуи с Бриджит – куда без них.

Помимо журналистов, я, конечно, подружилась и с толстяком Говардом. Он работает веб-редактором и имеет свой кабинет – маленькую каморку в конце коридора. Но я его вижу каждый день в общем зале. По утрам он любит лакомиться пончиками с кофе.

– Это я купил тебе, – говорит Говард, протягивая мне пакетик с малиновой маркировкой соседней пекарни. – Гляжу на тебя, и мне становится тошно.

– Я так плохо выгляжу? – в ужасе округляю глаза, подыгрывая ему, хотя прекрасно знаю, что он имеет в виду.

– Нет, но мне хочется тебя кормить.

Меня больше не беспокоит его тучность: хорошего человека должно быть много. За эту неделю, что я работаю в редакции журнала «Фокус», мне кажется, я уже успела неплохо изучить каждого из них. Они все разные и где-то даже сложные, но ведь я и сама не так проста, как могу казаться. А я кажусь? Интересно, какой меня видят другие? Что думают обо мне Зоуи и Бриджит, давно понятно и интереса не вызывает. Но что думают остальные? Они видят, кто я? Чувствуют, что я ненастоящая?

У меня звонит телефон. Номер неизвестен, но я решаюсь ответить. Я не думала, что он позвонит. Но, похоже, секс на работе обречен на продолжение. Мой собеседник – Дэвид Герра.

Глава 5

Я плетусь на кухню, тяжело переставляя ноги. По утрам я чувствую себя разбитым корытом, а не молодой женщиной 23 лет. Интересно, каким бы было мое утро, останься я жить на Манхэттене. Но это уже в прошлом, я снова в глуши. Вдали от людей. Мне нужно время, чтобы прийти в себя, чтобы восстановиться и собраться с мыслями. Именно так звучало напутствие Дэвида, когда он отправлял меня в вынужденную ссылку в его родовое гнездо, особняк на отшибе Акрона в штате Огайо. С мыслями собраться у меня не получается, иногда я делаю записи в блокнотах или на полях книг, но никогда не перечитываю. Я их просто не нахожу. Забываю. А забыть мне нужно совсем о другом. Но эти мысли изо дня в день, как назойливые мухи, кружат у меня в голове. Я высыпаю на ладонь пригоршню таблеток и тут же запиваю их водой из бутылки. Чувствую, как разнокалиберные пилюли соскальзывают с языка и мчатся по глотке вниз, в мое измученное чрево. Пью воду до тех пор, пока бутылка не начинает трещать под давлением моих пальцев. И наконец я сжимаю ее, радуясь своей силе.

Глава 6

Уже две недели, как я сижу на двух стульях. Так вроде говорят про тех, кто умудряется одновременно встречаться с двумя мужчинами. Нет, я не шлюха. И никогда такой не была. Дэвид Герра – случайность. Поначалу я спала с ним из мести. Шон продолжает молчать, но я вижу, как он поглядывает на Бриджит. Я знаю, что пока между ними ничего нет. Но только

пока. Шон слишком добрый и доверчивый. Когда-нибудь это его погубит. Я ведь не всегда могу быть рядом, чтобы защитить его от беды. Внутри все кипит от злости, и я ломаю карандаш. Острые деревянные зазубрены тут же царапают пальцы, занозой вонзаются в кожу.

– У тебя все в порядке? – спрашивает Райан, выглядит он встревоженным.

– Да, все хорошо, – отвечаю, но он мне, похоже, не верит.

Я вижу, что он не сводит глаз с карандаша.

– Ой, ты про это? – улыбаюсь я. – У меня никогда не получалось сломать его, а сегодня удалось.

Он поднимает брови в удивлении и тонко улыбается. Не думаю, что он мне поверил, но по крайней мере в его глазах я больше не вижу ужаса. Это хорошо. Он мне нравится.

Райан возвращается к своей работе, я вижу, как бегают его пальцы по клавиатуре, слышу приятное перестукивание клавиш, но вместе с этим замечаю, как Бриджит, улыбаясь, смотрит перед собой. Мне не нужно следить за ее взглядом. Я и без этого прекрасно знаю, что через стол напротив нее сидит Шон. А еще я знаю, что сегодня они вместе идут на вечеринку в Гарлем. Нет, у них не свидание за моей спиной. У них работа, а это даже хуже.

Я стараюсь об этом не думать и уж тем более держать в узде воображение. Я пытаюсь сосредоточиться на аудиозаписи Отиса, которую мне нужно расшифровать к вечеру. Но вместо этого, как мантру, повторяю про себя: «Все может обойтись, все может обойтись». Но через час, когда Шон подходит к моему столу, я вижу, что ему стыдно. Он уже чувствует свою вину, а ведь еще можно всего избежать. Я целую его на прощание и напоминаю, что буду рада, если он навестит меня вечером.

– Не стоит. Я после работы сразу к себе, увидимся завтра, – говорит он, и мне не остается ничего другого, как принять его выбор. А что еще я могу сделать?

Я молча наблюдаю за тем, как он выходит из редакции с Бриджит. Нет, она не держит его за руку, и он не вьется вокруг ее тонкой талии. Но это только пока.

Печатать я начинаю быстрее. На пределе своих возможностей.

Они это сделали. Он это сделал. Я понимаю это сразу, как только захожу в редакцию. Бриджит шепчется с Зоуи возле кофеварки. Вид у нее довольный и невыспавшийся. Прямо классика. Я чувствую, как меня начинает мутить, еще немного – и я точно вырву. Делаю несколько жадных глотков воды и уверенно иду вперед. Мне хочется верить, что внешне я сохраняю спокойствие, но внутри у меня горит пожар. От самодовольных гадюк меня отделяет всего пара шагов, когда передо мной из неоткуда появляется Райан. У него для меня новость: вчера Конрад, это старший из близнецов, пополз. Он радуется этому как ребенок, и я пытаюсь разделить с ним эти эмоции. Получается натужно, я и сама понимаю это. Голова кружится, и слышу, как урчит в животе. Сейчас я бы точно не отказалась от пончиков Говарда, но его в общем зале не видно.

– У тебя все в порядке? – окликивает меня Отис. – Ты какая-то бледная.

– Все в порядке, просто что-то не то съела, – отвечаю я, но теперь мне и правда становится нехорошо.

Я понимаю, что гиены смотрят на меня. Чувствую на себе их липкий взгляд. Хочется умыться. Я подхожу к своему рабочему месту и делаю еще несколько глотков воды. Жду, что мне станет легче, но нет. Голоса стрекочут вокруг, я никого не слышу, только его. Голос Шона раздастся со стороны входа, он только пришел. Мне не нужно смотреть на него, чтобы понять, он улыбается, он радуется жизни здесь и сейчас. У него все хорошо, просто замечательно. Вчера он оттрахал еще одну свою коллегу, на этот раз сексапильную блондинку. Меня тошнит. Только бы не вырвало. Воды в бутылке больше нет, и я начинаю рыться в верхнем шкафу стола

в поисках зачех. Старое печенье валяется на самом дне. Я не уверена, что оно мое. Скорее всего, прежнего хозяина стола, но сейчас это не важно. На вкус оно как картон: сухое и противное. Но я тщательно жую его, чтобы извлечь хоть какую-то сладость. Тошнота отступает. И я чувствую, как Шон прикасается к моей руке.

– Все хорошо, детка? – слышу я, выглядит он, скорее, испуганным, нежели виноватым.

Неужели это просто игра моего воображения. Неужели я снова ошиблась. Мне хочется встать и обнять его, но вместе с миром в мое тело приходит дикая слабость, от которой тянет в сон.

– Да, все хорошо. Съела, наверное, что-то не то, – мямлю я. Язык почти не слушается.

– Тебе надо домой. Я поговорю с Долорес, – говорит он и помогает мне встать.

– Ты меня проводишь? – спрашиваю я.

– Нет, не получится. У меня дела. Вечером поговорим, – сообщает он, и сердце снова падает вниз.

Никакая это не игра моего воображения. Он меня предал.

На улице мне становится лучше. Я снова могу дышать полной грудью. Тошнота не подступает к горлу. Но я по-прежнему чувствую голод, от которого сводит желудок.

– Капучино и кекс с круассаном, – говорю я свой заказ работнику кофейни.

Удивительно, но, несмотря на боль и обиду, я все еще могу есть. В эту минуту мне кажется, я вообще ни о чем больше не могу думать, кроме еды. Это странно. Странно, знакомо и волнительно. Не может быть.

По дороге домой я захожу в CVS и покупаю тест на беременность. К тому моменту, когда я вхожу в свою квартирку в Бруклине, которую делю с соседкой, я уже точно знаю, каким будет результат.

Я беременна.

Глава 7

Я возвращаюсь в гостиную и сажусь за обеденный стол. Я ни разу за ним не ела. Здесь я работаю. Пишу. Нет, не статьи. Из формата журнала я выросла. Хватит с меня фальши и лицемерия, заискивания и лизоблюдства. Я свободный художник. Я писатель. Мне всегда хотелось писать, это была детская мечта. Правда, тогда я больше читала, нежели писала. Писать у меня не очень-то получается, а вот придумывать. Тут мне равных нет. Воображение – мой главный козырь. И самый большой враг. Порой я сама боюсь, куда оно может меня привезти, но моим героям нечего бояться. Их я в обиду не дам ни диким зверям, ни даже самой себе.

На столе много бумаги, блокнотов и фотографий. Шон научил меня снимать, а потом проявлять пленку и печатать снимки. Я была хорошая ученица. Я всему и всегда быстро учусь. Фотографии у меня получились отменными, именно такими я вижу иллюстрации своей будущей книги.

Я разгребаю себе клочок свободного места и, поудобнее разместив блокнот, начинаю от руки писать первую пришедшую в голову мысль: «Билли выпал из гнезда...»

Глава 8

Шон обещал вечером зайти. Я знаю, зачем ему это нужно, но никак не могу решить, чего хочу я. Я беременна. Вероятность того, что это ребенок Шона высока, но я не могу сбрасывать со счетов и греческого бога Дэвида Герра. Так что же мне делать?

Если я расскажу Шону первой, то он не сможет меня бросить. Не сможет от меня уйти. Он будет вынужден остаться со мной. Вынужден... От этого слова меня снова начинает мутить. Я едва успеваю добежать до унитаза. С меня льется горькая пенящаяся вода с едким, вонючим запахом. Я закрываю нос пальцами, чтобы меня снова не скрутило. Плескаю в лицо холодную воду. Мне лучше. Я снова могу дышать.

Он бросит Бриджит. Она его не получит. Не этого ли я хочу? Но в голове пульсирует: «Он меня предал, он меня предал». Комната начинает плыть перед глазами, мне нужно сесть. Я не собрала диван с ночи, поэтому он до сих заправлен моим бельем. Я сажусь сверху, не беспокоясь о микробах и прочей ерунде. Серым клеточкам моего мозга хватает работы и без этих глупых условностей.

Я жду звонка в дверь, уверена: Шон придет с минуту на минуту. Но вместо этого звонит телефон. Дэвид Герра хочет со мной встретиться. Почему бы и нет?

Мы встречаемся на углу 77-й и Лексингтон авеню, как и много раз до этого. Заходим в «Старбакс», и я впервые заказываю себе лимонад. Дэвида это не удивляет, он не так хорошо меня знает. А знает ли он меня вообще?

Полчаса у окошка и разговоры ни о чем. У нас мало общего. Только секс. А теперь еще, возможно, ребенок. Меня снова тошнит, но я держусь. Я позволяю ему увлечь меня за собой на тринадцатый этаж многоквартирного дома, в его маленькую уютную квартирку с потрясающим видом на Центральный парк и нижний Манхэттен.

Он начинает снимать с меня рубашку, едва мы заходим. Он возбужден и нетерпелив. Хотелось бы мне списать это на его особое отношение ко мне, но мне кажется, его заводит сам факт секса с такой молодой девушкой, как я. Мне скоро будет 22, а ему – 40. Между нами пропасть: возрастная, ментальная, духовная. И все-таки у меня будет, возможно, его ребенок.

Он покрывает мою шею поцелуями, легко справляясь с застежкой на лифчике. Маленькая кружевная деталь падает к ногам, обнажая мою красивую полную грудь. Соски гудят от его прикосновений. Мне хочется выть от боли, но вместо этого я тихо шепчу:

– Я беременна.

Он останавливается. Другой реакции я и не ждала. Именно так отреагировал Джим, когда я призналась, что жду ребенка. Он так же оцепенел, а после дал мне такую затрепину, что на щеке до сих пор, если присмотреться, виден шрам от его массивного кольца. Я жду нечто подобное и от Дэвида. Я к этому готова. Он имеет на это право. Но он молчит. Дэвид смотрит прямо мне в лицо не мигая. Он переводит взгляд ниже. Не на грудь, а на живот. Его теплая ладонь с черными волосками на пальцах прикасается к моей коже. В его глазах стоят слезы. Похоже, он рад, а я теперь не знаю, что делать.

– Это правда? – спрашивает он.

Таким жалким я его не могла себе даже представить. Хочется рассмеяться и сказать, что я пошутила. Оттрахать его на прощание так, чтобы он меня уже никогда не забыл. А после сбежать. Скрыться. Раствориться в толпе. Но... я беременна.

– Это правда, – отвечаю я, и в голове начинает складываться новая картина мира.

Дэнис, так зовут девочку, с которой я делю квартиру, говорит, что Шон искал меня. Об этом свидетельствуют и пропущенные звонки на мобильном. Он нервничает. Он переживает. Поздно спохватился. Мне его не жаль, но я приму его извинения. Теперь я знаю, что скажу при встрече. Я готова услышать правду.

Время уже позднее, но я знаю, что он не спит. Сегодня пятница, а значит, либо он с друзьями в баре на Бликер-стрит, либо в объятиях Бриджит. Так даже лучше. Я пишу ему смс и прошу о встрече с пометкой «срочно». У него нет выбора, и уже через час он звонит в мою дверь. В квартиру я его не приглашаю, да и он не рвется войти. Меня это задевает. Я снова чувствую болезненный укол в сердце, а теперь еще и тошноту. Сейчас мне уже лучше, но, глядя в его яркие голубые глаза, я не могу не думать о ребенке. Он ведь может быть и от Шона. Но я точно знаю, что никогда ему об этом не скажу. Он это заслужил. Мы прогуливаемся по набережной. Погода стоит теплая, но в воздухе уже чувствуется скорое наступление осени. Со сто-

роны океана веет прохладой. Я кутаюсь в теплую кофту и стараюсь идти, не отставая от Шона. Я не хочу пропустить ни слова из его нескладной речи.

– Прости, честно, я не планировал этого. Я не знаю, как так вышло, – говорит Шон.

На меня он старается не смотреть. Я чувствую, что ему неудобно. Возможно, даже стыдно. В самом начале наших отношений полгода назад он обещал спасти меня, сделать счастливой, но теперь он уходит к другой.

– Ты давно знаком с Бриджит? – спрашиваю я, чувствуя, как неприятно першит в горле. Мне по-настоящему больно его терять, но так будет лучше. Назад пути нет.

– Она пришла в журнал три месяца назад, а что? – спрашивает он. Мой вопрос ему не нравится. – Ты не подумай, я тебя никогда не обманывал.

– Ты обманул меня вчера, Шон. Но я не злюсь.

– Правда? – он мне не верит.

– Мне обидно. Знаешь, предательство – это всегда больно.

– Прости, я не знаю, что сказать.

– Да тут уже ничего и не скажешь. У меня к тебе есть просьба... – говорю я, испытывая легкое головокружение. Мы проходим мимо скамейки, и я сажусь на нее.

– Чего ты хочешь? – его вопрос звучит резко, и он это понимает.

Он садится рядом и уже мягким голосом интересуется:

– Какая у тебя просьба? Я слушаю.

– Пообещай, что не будешь рассказывать Бриджит обо мне.

Я вижу, как от неожиданности у него расширяются глаза. Мой вопрос его удивляет. Он не видит в этом никакого смысла. Зато его вижу я.

– Обещаешь? – настаиваю я. – Ни слова ни о наших отношениях, ни уж тем более обо мне лично.

– Да я же и сам про тебя не так много знаю.

– Ты знаешь то, что я не журналист и никогда им не была. Этого достаточно, чтобы завтра Долорес выпнула меня на улицу. Я не хочу потерять еще и работу, понимаешь?

Ему снова становится стыдно. Шон – хороший парень, и я буду рада узнать, что у моего сына его ясные голубые глаза. Но он уходит к другой, и я должна его отпустить. Отпустить с минимальными потерями для себя. Иначе нельзя. Иначе никак.

– Я понимаю тебя. И я обещаю: никому и никогда ничего не скажу. Ты хорошая девушка, и я рад, что когда-то встретил тебя в баре. Мне правда жаль, что все так вышло...

Все это лирика. Его я уже не слушаю. Я снова чувствую дикую слабость, нужно поскорее добраться до дома и лечь спать.

Глава 9

Когда я встаю из-за стола, в блокноте исписана ровно страница. Я не могу больше выдавить из себя ни слова. Но, пробежав взглядом по ровному письму, я довольна. История движется именно так, как я хочу. Именно так, как я вижу. Единственное, что меня угнетает, – это осознание того, что сегодня мне уже не написать ни строчки. Я опустошена. У меня нет сил, и все же я заставляю себя вернуться на кухню и сделать сэндвич. Тост с джемом и арахисовой пастой – это мое любимое лакомство с детства. Каждый день мама снабжала меня таким перекусом, отправляя в школу.

Я делаю первый укус. Закрываю глаза и мысленно окунаюсь в прошлое. Гуляю по нашему большому дому. Слышу скрип половиц под тяжестью своих стоп. Шаг за шагом я движусь по темному коридору, соединяющему библиотеку матери с гостиной. Выхожу на свет и наконец сажусь в бабушкино кресло-качалку. В доме пахнет свежей сдобой. Мама, как всегда по воскресеньям, печет булочки. С улицы доносятся голоса. Это соседские ребята играют в кикбол. Меня они уже не зовут.

Я открываю глаза. И снова гнетущая тишина и тяжелый запах чужого мне дома. Удивительная штука память, я помню то, что было десять лет назад, но не помню того, что делала вчера, позавчера. Как долго я здесь? В этом доме все чужое, не мое. Но именно здесь, вдали от всех, я могу больше не притворяться. Я могу позволить себе быть самой собой.

Глава 10

Роман с Дэвидом развивается стремительно. И две недели спустя мы идем с ним вместе на первое плановое УЗИ. Он не отходит от меня ни на шаг, как будто я могу потеряться или меня могут украсть. Смешно. Но я не смеюсь, а улыбаюсь. Мне приятно. Обо мне уже давно никто так не заботился. Наверное, я сделала правильный выбор. Я выбрала Дэвида в отца своему малышу. Малышу... От этого слова тошнота снова подступает к горлу. Из кабинета выходит женщина и называет фамилию Герра.

– Это мы! – радостно сообщает Дэвид и под руку заводит меня в кабинет.

Смешно. Я озираюсь по сторонам, но на нас никто не смотрит. Пузатые дамы продолжают смотреть в экраны своих телефонов, жизнь в офлайне для них еще не началась.

В кабинете темно, единственными источниками света являются мониторы: один для врача, другой для нас. Мне предлагают лечь на кушетку, предварительно задрвав майку и расстегнув застёжку джинсов. Шоу началось. Женщина-врач в белом халате льет мне на живот какую-то жидкость и тут же прижимает к коже датчик. Она водит им из стороны в сторону, и картинка на экране монитора оживает. Дэвид смотрит на него во все глаза и жадно впитывает каждое слово: «Прикрепление по задней стенке... Сердцебиение четкое...»

Я не слушаю, для меня это набор непонятных фраз. Не смотрю, я ничего не вижу в этой мутной монохромной картинке. Я наблюдаю за Дэвидом. Похоже, в этот момент ему открываются все тайны мироздания. Выглядит он восторженно-нелепым.

Врач медленно скользит датчиком по моему животу, и от этих прикосновений я переношусь в прошлое. В 19 лет все воспринималось острее. В 19 я по-настоящему хотела стать матерью, а на пороге своего 22-летия грядущее материнство меня почему-то пугает.

В заключении, которое нам дают при выходе, всего несколько слов: «беременность 6—7 недель». Видимо, эта цифра окончательно убеждает Дэвида в том, что именно он является отцом ребенка. К слову, у него нет оснований думать иначе, потому как про Шона я ему никогда ничего не говорила. Он убежден в том, что я была свободна на момент встречи с ним. Он мне верит. Теперь, кажется, даже больше, чем раньше. Он приглашает меня в ресторан отпраздновать. Меня тошнит, но я соглашаюсь. Не хочется возвращаться в свою крошечную квартиру в Бруклине и давиться китайской лапшой из магазина.

Он заказывает нам рыбу. По его словам, она полезна для внутриутробного развития малыша. Я соглашаюсь, у меня нет причин не доверять ему. Мне нужно кому-то верить.

Рыба выглядит аппетитно, но от ее запаха мне становится тошно. Я вскакиваю из-за стола и, не сказав ни слова, бегу в дамскую комнату. На мое счастье все кабинки свободны, и я, не стесняясь, рыгаю в унитаз. Снова вонючая пеннистая вода. Еда в меня не лезет. Печенье и прочие сладости, которые я теперь постоянно ношу с собой, не в счет.

Когда я возвращаюсь в зал, передо мной стоит пустая тарелка, а Дэвид смотрит на меня с таким страдальческим лицом, что мне даже хочется его пожалеть. Он красивый. У него густые черные волосы, которые он, судя по всему, укладывает с помощью геля, отчего они игривыми завитками торчат в разные стороны. Но его голова при этом всегда выглядит аккуратно и ухоженно. У него твердый подбородок с милой ямочкой по центру. Тонкая линия губ добавляет его лицу графичность. Кустистые черные брови нависают над миндалевидными карими глазами.

С минуту я смотрю ему в лицо. Любуюсь. Он действительно похож на греческого бога. Да, у меня богатое воображение, но даже оно не могло бы представить этого.

Дэвид не опускается передо мной на колени, как мне когда-то мечталось в детстве. Не бросает кольцо с бриллиантом в фужер с шампанским, как это делают герои фильмов: алкоголь мы не пьем, это вредно для ребенка. Он просто подталкивает в мою сторону по белоснежной скатерти маленькую синюю коробочку. Мне все понятно без слов. Достаточно посмотреть в его глаза. Но этот жест он подкрепляет словами. Он хочет, чтобы я стала его женой.

Я снова смотрю на коробочку. Теперь она открыта, и я вижу милое обручальное кольцо с бриллиантом и рубинами.

Разве я могу сказать «нет»?

Вчера я стала миссис Герра. Это была тихая церемония в мэрии. У меня не было пышного белого платья и диадемы в волосах. Дэвид купил мне элегантный брючный костюм цвета слоновой кости, а волосы я просто собрала в высокий хвост. Точно так же я выгляжу и сегодня, день спустя. Я на работе, и уже десять минут, как принимаю поздравления от коллег-друзей. Зоуи и Бриджит меня тоже поздравили, но с ними я, конечно, не целовалась и точно не тонула в объятиях, как делаю это сейчас с Говардом. Он за меня рад. Он принес мне пончики с ванильным кремом. Мне кажется, я его люблю. Я благодарю Райана за открытку и коробку конфет, когда теплая рука Шона ложится мне на плечо. Он привлекает меня к себе и неожиданно для меня самой обнимает. Крепко и нежно. Я закрываю глаза, стараясь полностью раствориться в этом моменте. Мне кажется, я чувствую, как новая жизнь впервые толкает меня изнутри. Срок беременности – 11 недель, и вряд ли такое возможно, но, мне кажется, малыш реагирует на Шона. Он чувствует свое с ним родство. Неужели это ребенок Шона?

Я не успеваю об этом подумать, потому что он отстраняется от меня. Он дарит мне кулинарную книгу. От одного взгляда на нее у меня начинает щипать в глазах. Шон обещал подарить эту книгу, когда мы поженимся, потому что миссис Белл должна уметь готовить изысканные блюда кухни народов мира. Я стала миссис Герра, и мой супруг предпочитает еду навынос.

– Спасибо, – мямлю я, сжимая книгу, она обжигает мне руки.

– Желаю тебе счастья, – говорит он.

Я чувствую какую-то недосказанность. У него есть ко мне вопросы, но он молчит. Он не решается спросить, почему я так быстро вышла замуж, был ли у меня другой во время наших с ним отношений. Он хочет знать, чтобы очистить свою совесть, чтобы не чувствовать больше передо мной своей вины.

– Как там тебя теперь величать? Герра? – раздается грозный голос Отиса. Он помогает мне сменить тему, уйти от ответа на вопрос, который был готов сорваться с губ Шона. Я испытываю облегчение и благодарность. – Свадьба была вчера, а сегодня у нас работа кипит! Мне текст нужен через час!

– Все сделаю, не волнуйся, – отвечаю я.

– Не буду мешать, – говорит Шон, удаляясь от меня все дальше и дальше.

Едва ли он вернется к своим вопросам позже. Я для него в прошлом. Теперь я замужняя дама.

Я сажусь за свой стол и открываю файл, о котором говорил Отис. В этот раз он записал интервью с криминалистом.

Глава 11

На мне майка без рукавов и юбка в пол. Сейчас, когда у меня на талии болтаются лишние килограммы, я не могу позволить себе носить брюки. Лишний вес повсюду. Двенадцать килограммов, которые я набрала за последний год, ровным слоем размазаны по моему телу.

Похоже, я безвозвратно утратила сексуальную форму песочных часов, превратившись в рыхлую и бесформенную тушу. Майка и юбка – это то, что мне нужно.

Нет, меня не волнует общественное мнение. Его в этой глуши не существует. Но мне не нравится то, что я вижу в зеркале. Эта жирная корова в отражении больше не улыбается мне по утрам. Ее отекающее лицо не вызывает у меня чувство зависти. Нет, мне ее жаль. Но жалеть себя нельзя. Это неправильно. Я точно не заслуживаю жалости.

Я делаю себе еще один сэндвич.

Глава 12

Я просыпаюсь от того, что лежу на чем-то мокром. В книгах и журналах по беременности, которые покупает Дэвид, я читала про недержание беременных. Но еще рано. У меня только 12 недель, и сегодня у нас назначено второе УЗИ. Я провожу рукой по простыням – они мокрые и липкие. Дэвид спит рядом, но я не боюсь нарушить его сон. Я включаю лампу на прикроватной тумбочке с моей стороны. Мои худшие опасения верны: у меня идет кровь.

Я вскакиваю с кровати, и кровь тонкой струйкой следует за мной на пол. Я хочу прикрыться, но это невозможно. Все в крови: кровать, пижама, мои руки.

Дэвид проснулся. Какое-то мгновение он смотрит на меня, не понимая, что происходит. Но вот он уже рядом со мной. Он напуган, наверное, даже больше меня.

– На-а-м ну-у-жно-о в бо-о-льни-и-цу, де-е-тка! Сро-о-чно-о! Я вы-ы-зы-ы-ва-аю «ско-о-ру-ую», – он неестественно растягивает слова.

Я пытаюсь ухватиться за эти слова. Пытаюсь ответить, но перед глазами все начинает темнеть. Мое тело становится ватным, я не могу больше стоять на ногах.

Когда я снова открываю глаза, Дэвида рядом уже нет. Я смотрю по сторонам, пытаюсь понять, где я. Это не спальня в квартире Дэвида. Комната светлая и совершенно мне незнакомая. Я в больничной палате. Лежу на кровати. Рядом со мной стоит капельница с каким-то желтым раствором, и это вещество медленно стекает по трубке прямо в меня. Я пытаюсь прочитать его название, но в глазах все рябит и отказывается собираться в четкую картинку. Я чувствую дикую слабость во всем теле. Последнее, что я помню, – это кровь. Много крови вокруг. Ее противный запах до сих пор стоит в носу. Мне страшно. Я пытаюсь позвать на помощь, но у меня совсем нет голоса. Я охрипла.

– Помогите! Дэвид! Кто-нибудь! – продолжаю сипеть я, когда слышу голоса у двери палаты.

Не уверена, что они пришли на мой зов, скорее, это совпадение. В палату входят взрослая женщина и Дэвид.

– Я не хочу вас обнадеживать, – слышу я обрывок ее фразы.

– Как ты? Тебе лучше? Ничего не болит? – спрашивает Дэвид, обращаясь ко мне.

Врач больше для него не существует. Это приятно и трогательно. Я плачу. Я не думала, что способна еще на это, но слезы катятся по щекам, и я не могу остановиться.

– Все будет хорошо, все будет хорошо, – повторяет он, нежно прижимая меня к своей груди.

Я чувствую приятный аромат его тела. У него не было времени принять душ, побрызгаться одеколоном. Сейчас он передо мной совершенно чист и безоружен. Я лгну к нему все сильнее. Мне нужно кого-то любить. Мне нужно чувствовать себя любимой.

Беременность сохранить не удалось. Первые дни после выписки из больницы из меня продолжали выходить какие-то вонючие куски. Я старалась не смотреть, но каждый раз, спуская воду в унитазе, видела, как багровой воронкой закручивается слив. Кровь продолжает идти

до сих пор, но сегодняшний осмотр у гинеколога дал понять, что в дополнительной чистке я не нуждаюсь, полость матки чистая. Это хорошая новость, как и то, что меня больше не тошнит. Но есть и плохая: я не знаю, что мне теперь делать. Я не дура и прекрасно понимаю, что этот нерожденный малыш был единственной причиной, по которой Дэвид сделал мне предложение. Это был его долг. Но теперь мы вроде как в расчете. Он мне больше ничего не должен, разве нет?

Сегодня выходной, и я сижу в гостиной. Дэвид разливает вино по бокалам. Классический сценарий последних пару дней: выпить, посмотреть кино и заняться сексом. Нам и говорить даже не приходится. Это странно. Это ненормально.

Я смотрю на свое обручальное кольцо, на то, как оно искрится при искусственном освещении. Оно очень красивое и наверняка дорогое. Мне никогда не забыть кислую мину Бриджит, когда я показала его ей. Оно и правда шикарно. И, что самое страшное, мне, вероятно, придется с ним расстаться, когда Дэвид поймет, что нас больше ничего не связывает.

– Почему ты решил стать архитектором? – спрашиваю я, когда он протягивает мне бокал с красным вином.

– Решила сделать со мной еще одно интервью?

Его улыбка ослепляет меня, манит, как в день знакомства. Хочется притянуть его к себе и жадно впиться в его губы, погрузить пальцы в его густые жесткие волосы. Закрываю глаза и гоню от себя эти фантазии. Еще рано.

– Нет, просто интересно. Так, как же ты решил стать архитектором?

– Мне всегда хотелось построить мир по своему проекту, – отвечает Дэвид.

Он садится на диван рядом со мной и начинает щелкать пультом. На меня он не смотрит, он сосредоточен на выборе фильма на этот вечер.

– Захотелось почувствовать себя богом? – спрашиваю я, делая глоток вина.

Незрелый напиток имеет кислый и грубый вкус. Отец научил разбираться в винах, когда мне исполнилось пятнадцать. Пожалуй, это мое самое светлое воспоминание о нем. Меня он никогда не любил. Терпел – да, но не любил, не понимал, не принимал. Дэвиду нравится пробовать импортные сорта. Это ему привезли клиенты из Грузии. Я думала, это штат на юго-востоке Америки, но, оказывается, это страна с другого континента. Надо будет посмотреть потом на карте. Если не забуду.

– Хм, никогда не проводил такой параллели, – отвечает Дэвид, пробуя вино на вкус. Он морщится, но делает еще один глоток. – Резковато.

– Это ты сейчас про вино или про мое сравнение?

– Наверное, и про то, и про другое, – отвечает он. – Что будем смотреть? Сегодня твоя очередь выбирать.

– Может быть, «Иллюзию обмана»? – спрашиваю я.

– Таких клоунов и на Бродвее полно, давай что-то настоящее, – командует он, продолжая щелкать пультом, приводя в движение картинки на экране телевизора.

– Так как насчет тебя, почему архитектор? – продолжаю упорствовать, хотя понимаю, что время упущено: еще мгновение – и на экране поползут титры, мы будем смотреть очередной фильм-катастрофу.

– Я хочу оставить после себя след. Я последний в роду Герра, а это большая ответственность, – серьезно отвечает он, и только после этого картинка на экране перестает быть статичной.

Я ненавижу фильмы такого толка, а потому уже на двадцатой минуте, после жуткого крушения лайнера, перехожу к главному блюду вечера. К чему сдерживаться? Мы женаты, и секс – это то, что все еще держит нас вместе. Теперь, когда во мне больше не теплится новая жизнь, он не церемонится. Его движения резкие и отчаянные, точно он пытается вбить в меня кол. Но теперь я знаю, он хочет, чтобы я снова была беременна. Беременна ребенком Герра.

Глава 13

Последний сэндвич был лишним. Во рту чрезмерная сладость. Я открываю новую бутылку с водой и делаю несколько глотков. Баланс вкусов восстановлен. Оставшейся водой я брызгаю себе в лицо. У меня случаются внезапные приливы. И сейчас мне дико жарко, как может быть только в финской бане. Моя кожа становится влажной, а одежда мокрой. Переодеваться я не стану. Едва ли я смогу снова подняться по этим крутым лестницам.

Я смотрю в окно. Из кухни открывается вид на задний двор и холм. Сегодня только десятое августа, но на сочном зеленом лугу уже появились желтые пятна и проплешины. Природа увядает. И я вместе с ней. Меня часто стали посещать дурные мысли. Я много думаю о смерти. О том, какой она может быть. А главное, каково это, умереть в 23 года? Наверное, в день похорон священник скажет, что у этой молодой женщины впереди была вся жизнь. Она сама могла подарить новую жизнь. Немногочисленные скорбящие будут молчать и горестно кивать головами. Но все это ложь. Мое тело не способно дарить жизнь. Оно рождено для того, чтобы убивать. Раз за разом, снова и снова.

Глава 14

Я быстро учусь и больше не являюсь помощницей Отиса. Правда, он продолжает пытаться всучить мне свои записи на расшифровку.

– Но-но, черная работа в прошлом, – качая головой, говорю я.

Он улыбается и сам садится работать с аудиофайлом. А я прохожу на свое рабочее место и не без гордости включаю компьютер. Я, конечно, не такая крутая, как Отис Ли, но и не такая никчемная, как Лэнс Томпсон. Вчера Грымза его отчитала при всех. Назвала его текст записками сумасшедшего. И, прежде чем скрыться за своей стеклянной дверью, дала ему понять, что не забыла о его шалостях. О чем шла речь, я не знаю, вероятнее всего, это случилось до моего появления, потому что за четыре месяца, что я тружусь в журнале «Фокус», моя свадьба была самым обсуждаемым событием. О том, что у меня должен был быть ребенок, никто так и не узнал. Я не успела похвастаться этой новостью ни тогда, три месяца назад, ни теперь. Два дня назад у меня произошел еще один выкидыш. В этот раз все случилось еще быстрее. Я едва успела пописать на тест. Дэвид успел больше: в этот раз он купил детскую кроватку.

– Не рановато? Это вроде плохая примета! – говорю я, наблюдая за тем, как он после рабочего дня собирает кроватку, четко следуя инструкции.

– Нет! Ребенок должен чувствовать, что его здесь ждут!

Его ответ звучит убедительно, и я не спорю. Но наш малыш, похоже, этого не почувствовал. В этот раз кровь пошла на шестой неделе. И хотя мы поехали в больницу, я точно знала, что спасать там уже нечего.

Я открываю свои записи. В следующий номер я готовлю материал о медицинском туризме. Это задание Долорес, до своих тем я еще не доросла. Три дня назад, когда я ходила брать это интервью, настроение у меня было другим. Тема проблем зачатия, экстракорпорального оплодотворения, женского и мужского бесплодия меня не касалась. Я была беременна. Но сейчас, открывая этот файл, я точно знаю, что меня ждет, и от этого глаза наполняются слезами. Я едва успеваю взять себя в руки, когда замечаю оживление в зале. Шон с Бриджит хотят сделать объявление. Все это время я старалась о них не думать, старалась не замечать. Но сейчас мне некуда скрыться, я в гуще событий.

Я смотрю на их счастливые лица, и у меня перехватывает дыхание. Я с силой сжимаю кулаки, так, чтобы ногти вонзились в кожу, достигли кости. Мне больно, но эта боль удерживает меня на ногах. Я не могу оторвать взгляд от слащавой улыбки Бриджит. Сегодня она пришла в брюках и кофте свободного кроя. Я давно заметила, как она пошла вширь. Ее зад, больше не выглядит таким аппетитным, как раньше, но Шона это не смущает. Я надеялась, что он ее

бросит, но, судя по всему, он собирается на ней жениться, иначе к чему весь этот шум. От этой догадки мне становится дурно.

– Ты уже знаешь? – почти шепотом спрашивает меня Райан, он стоит возле меня и выглядит обеспокоенным.

– У тебя что-то случилось?

– Нет. Я про Шона и Бриджит, – говорит он, кивая головой в их сторону.

В центре зала Шон срывает аплодисменты, открывая бутылку шампанского. Я стараюсь ничего не упустить из виду, но при этом отмечаю, что искренне жду появления Грымзы. Она не может это пропустить. Она должна навести тут порядок. И как можно скорее. Пусть женятся и празднуют свое счастье сколько угодно, но только не так. Только не у меня на виду.

– Кажется, она беременна, – все тем же заговорщическим голосом сообщает Райан.

Я чувствую, как земля уходит у меня из-под ног. Хорошо, что я не надела сегодня туфли на каблучке, а то бы точно упала. Я опираюсь на стол, стараясь никак не выдать своих чувств. Но, видимо, тщетно.

– Все в порядке? Ты какая-то бледная, – продолжает Райан и протягивает мне бутылку воды. – Я чувствовал, что у тебя к Шону что-то осталось.

Он не мог сказать ничего более отрезвляющего. Я не могу позволить себя жалеть. Ни ему, никому другому. Нет, все что угодно, но только не статус брошенки. Делаю несколько жадных глотков воды. Она ледяная. То, что мне нужно, чтобы потушить пожар внутри, чтобы отрезвить голову.

– У меня вчера случился выкидыш, – говорю я и вижу, как лицо Райана искривляется от боли.

– Прости, прости, вот же я дурак, – произносит он, обнимая меня.

Он пытается меня поддержать и утешить, и мы невольно притягиваем внимание коллег.

– Эй, вы чего это тут устроили? Это Шона и Бриджит надо поздравлять! У них скоро будет ребенок и они женятся! – ликует Оззи. – Или у вас свой повод для объятий? Ну, давай колись?

Сложно понять, к кому из нас он обращается, но Райан берет удар на себя. Он говорит о том, что его сын вчера сказал первое слово. Оззи легко верит в эту историю. А я благодарю Райана одними только глазами. У меня нет сил на слова.

Все пьют за счастье будущей четы Белл. И даже Долорес принимает в этом участие. Она говорит им свое напутственное слово, когда я незаметно выхожу из общего зала и уверенным шагом иду к святящейся табличке «Выход».

Желание стать матерью стало для меня навязчивым. Сегодня мне даже приснилось, что у меня уже большой живот и я ношу странную одежду, похожую на парашют. Проснувшись в хорошем настроении, что в последнее время редкость. Часто бываю раздражительной и обидчивой. Я много плачу по поводу и без. Наверное, именно это состояние принято считать послеродовой депрессией. Вот только беда в том, что я никак не могу выносить ребенка.

– Что со мной не так? Я хочу малыша! – начинаю я, едва мы с Дэвидом занимаем свои места в кабинете гинеколога.

– Все нормально. Такое бывает, – отвечает она с вежливой улыбкой.

Это всего лишь формальность, ничего не значащая заготовка. Она и дело-то мое еще не открыла.

– Сейчас посмотрим, – протягивает она, подтверждая мою догадку.

Сердце перестает биться. Я боюсь дышать. Боюсь думать. Я, как натянутая струна, сижу в кресле, чувствуя, как Дэвид крепко сжимает мои пальцы. Мы не переглядываемся. Мы не сводим глаз с Аманды Стюарт, нашего врача.

– Ох, два самопроизвольных выкидыша за четыре месяца, – выдыхает она. – Я же просила вас повременить хотя бы полгода. Это не очень хорошо, когда такое происходит с таким коротким интервалом.

– Я думаю, можно было остановиться уже после фразы «это не очень хорошо», – огрызаюсь я.

У меня внутри все кипит от злости на нее, на Дэвида, но прежде всего на себя. Что со мной не так? Почему я такая никчемная? Эта сука Бриджит носит ребенка Шона. Она уже на четвертом месяце, это вдвое больше того срока, что был у меня в последний раз. Почему?

Я возвращаюсь в реальность. В кабинет врача. И натыкаюсь на непонимание в ее глазах.

– Да, простите, мы ненарочно. Это случайно вышло, – Дэвид переключает на себя внимание Аманды, а за одно и мое.

Первый раз я вижу, как он складно умеет врать. А может быть, он проделывал это и раньше? Фраза «это вышло случайно» колом входит в мое чрево. Раз за разом. Я не могу больше сидеть. Я физически чувствую его внутри себя. Чертово воображение снова играет со мной в свои игры. Я вскакиваю с кресла и подхожу к окну. Я не могу и не хочу никого видеть. Мне нужно побыть одной. Побыть наедине со своими мыслями.

– У миссис Герра были до этого еще выкидыши или, может быть, аборты? – слышу я вопрос врача, адресованный Дэвиду.

– Нет. Это наши единственные попытки зачать ребенка, – уверенно отвечает он.

Перед глазами становится темно, и я мысленно переношусь в прошлое. В старенький трейлер, где я не один год жила с Джимом. Днем я была ему женой и любовницей, а по ночам забавой для его друзей. Он продавал меня. Кому за полтинник, кому за сотню, бывало, даже просто за косяк. А я не знала, как сказать «нет». Как прекратить это безумие. Я любила его. Я сходила по нему с ума. Даже после того, что он сделал, я все еще сохранила в памяти его образ: длинные кудрявые волосы цвета мокрой соломы, крепкие жилистые руки. А еще я помню, что в его объятиях я не могла фальшивить. Я была мощным наполненным сосудом, из которого только он мог извлечь первобытный гортанный крик.

– Что с тобой? – спрашивает Дэвид. Он крепко держит меня за плечи и трясет. – Почему ты кричишь?

Я и не заметила, как закричала. Я смотрю на него, но в голове эхом раздается вопрос о моих беременностях.

– Мы должны быть предельно честны с врачом, который пытается помочь нам стать родителями, – говорю я, возвращаясь в свое кресло. – Это не единственные мои беременности. Была еще одна.

Я чувствую на себе тяжелый взгляд Дэвида. Мне страшно посмотреть ему в глаза. Я боюсь увидеть такую же злость и ненависть, которая горела в глазах Джима, когда я сказала ему о беременности. Я думала ребенок спасет его. Изменит его отношение к жизни, а главное, ко мне. Я верила, что он снова будет только мой, а я его. Но он ударил меня с размаху. Он рассек мне щеку своим кольцом с зазубринами. Но на самом деле в тот вечер он вспорол мне душу. Выпотрошил без остатка.

– Это случилось больше года назад, – говорю я, чувствуя, как слезы катятся по лицу.

– Тоже самопроизвольный выкидыш? – хмурится врач.

Но ее ожидает неприятный сюрприз. А главное, он ожидает Дэвида.

– Нет. Я сделала аборт.

Глава 15

Теперь, когда мой желудок перестает урчать, я могу совершить свою ежедневную прогулку к озеру. Это, пожалуй, мое единственное развлечение, за исключением работы над книгой. Но это не забава, это серьезно. Я обязательно стану писателем. И не каким-то там миллионным участником самиздата от «Амазона», а настоящим автором с литературным агентом, контрактом с издательством и, может быть, даже кинокомпанией. Почему бы и нет? Здоровые амбиции еще никому не вредили. Мне так точно!

Я выхожу на улицу, и ноги приятно утопают в высокой траве с капельками росы. В тенистых участках тропинки, ведущей к дороге, видны лужицы. Вероятно, вчера шел дождь, но я этого не помню. Я, босая, иду по земле, наслаждаясь ощущением мягкой и влажной земли под ногами.

В детстве мне это было неприятно и стыдно. Я боялась испачкаться. Но сегодня я точно знаю, что это совсем не та грязь, которой стоит опасаться. Землю, по крайней мере, можно смыть...

Глава 16

После моего внезапного откровения в кабинете врача Дэвид делает вид, что меня не существует. Он уходит на работу, когда я сплю, а приходит, когда я притворяюсь спящей. Это его выбор. Его игра. Я просто следую установленным правилам. Интересно, как долго это будет продолжаться. Сегодня уже ровно неделя. Я, как и всегда по вечерам, накрываю на стол к его приходу. В этот раз я впервые не заказываю еду из ресторана. Я прибегаю к помощи злосчастной кулинарной книги – своего свадебного подарка. Лазанья под соусом бешамель – любимое блюдо Шона, но я приготовила ее для Дэвида.

Слышу, как он поворачивает ключ в замке. Я могу остаться и встретить его, но вместо этого бегу в спальню. Он бросает свой портфель у входа, а я снимаю платье и в нижнем белье залезаю под одеяло. Он пришел раньше обычного. Это хорошо или плохо?

– Нам нужно поговорить, так не может продолжаться, – приходит мне на помощь Дэвид.

Я уже давно жду этого разговора. Рано или поздно все мы снимаем розовые очки и начинаем видеть реальность такой, какая она есть на самом деле. Наш брак с Дэвидом – это ошибка. Мы с ним слишком разные, и он, похоже, это понял. Он готов поставить точку. Но готова ли я?

– Тогда, в кабинете врача, ты выставила меня идиотом, – говорит он, включая свет в нашей спальне. – Это был удар в спину, я такого от тебя не ожидал.

Бессмысленно притворяться спящей, за окном еще виден тонуший между небоскребами диск солнца. Я поднимаюсь на подушках, скрещивая руки на груди, складываю губы трубочкой, чувствуя, как брови напряженно сходятся на переносице. Я слушаю Дэвида, но никак не могу понять, куда он клонит.

– В этот раз я тебя прощаю, – выдыхает он, усаживаясь на край кровати с моей стороны. Его тяжелая ладонь ложится рядом с моим бедром. И я даже через ткань ощущаю жар его тела. – Уверен, это была какая-то постыдная история, о которой ты, вероятно, предпочла забыть. Я понимаю тебя. И я больше не злюсь, но делаю это в первый и последний раз. Но, если это повторится, я за себя не ручаюсь. Ты меня слышишь?

Я слышу, но не верю своим ушам. От напряжения у меня по щекам катятся слезы. Я улыбаюсь, кивая головой.

– В браке важны доверие и честность. Не забывай об этом, и я не забуду, – говорит Дэвид, и я прижимаюсь к его широкой груди.

С того вечера все вернулось на круги своя. И стало даже лучше. Я снова беременна. На этот раз никто не сможет назвать это случайностью. Это было наше с Дэвидом обдуманное решение, на которое мы пошли, невзирая на протесты врача. Месяц назад, подписав кучу бумаг, главная суть которых сводилась к тому, что мы осознаем и принимаем всю ответственность за свои решения, меня взяли в протокол программы ЭКО. Две недели я пила лекарства

горстями, в основном гормоны и поливитамины, а также дважды в день делала уколы в живот. В одно и то же время, четко следуя инструкциям, я закрывалась в ванной комнате, задираала майку и, собрав в складку кожу возле пупка, вонзала в нее маленький шприц с готовым коктейлем. Я даже не спросила, что там. Это не важно. Ничто не важно, кроме теста с двумя полосками, который до сих пор лежит на дне моей сумки. Сегодня семь недель. Я стараюсь не смотреть на круглый живот Бриджит. Она ходит как гусыня. По моим подсчетам, у нее сейчас уже пятый-шестой месяц. Интересно, как скоро она пойдет в декрет? Нет, неверно, как долго еще она будет мозолить мне глаза своим цветущим видом и раздувшимся, как шарик, телом? Да, вот так уже лучше. Гораздо лучше. Ее беременность ничего не изменила в наших с ней отношениях. Не думаю, что что-то поменялось бы и для нее, узнай она, что и у меня под сердцем бьется маленькая жизнь.

От одной этой мысли я начинаю улыбаться. Кладу ладонь себе на живот, пытаюсь представить толчки малыша. Начинаю нежно постукивать ниже пупка. Судя по УЗИ, он еще размером с горошину. Но я уверена, что он чувствует мои прикосновения. Я хочу в это верить. Я закрываю глаза, стараюсь заглянуть внутрь себя, когда Нолан Вуд подходит к моему столу.

– Прости, не хотел тебя отвлекать, – извиняется он.

Выглядит он уставшим и осунувшимся. Я так и не узнала, сколько ему лет, но сейчас мне кажется, он прибавил к имеющимся еще не меньше пяти.

– Что случилось? – спрашиваю я, выныривая из своих грез.

– А ты не в курсе? Грымза меня рассчитала.

– Да ты что? Но почему?

– Ой, я еще долго продержался. Она грозилась сделать это полгода назад. Но тогда все было, конечно, гораздо лучше.

Я не понимаю, о чем он говорит, но спрашивать мне неудобно. Я вижу, как он раздавлен этой новостью. Безработица, как червь, присосалась к нему и уверенно тянет силы, отнимает годы. Мне его жаль, но я не знаю, как ему помочь. Что я могу для него сделать?

– Может быть, ты обратишься в профсоюз?

– Нет. Не хочу ничего. Устал я и от Грымзы, и от журнала. Пора менять профессию. Пора искать новое призвание.

– И кем ты себя видишь? – я спрашиваю, просто чтобы поддержать беседу, хотя где-то внутри у меня зиждется интересная мысль.

– Да кем угодно, главное – поменьше беготни и нервозности. Устал. Пора на пенсию.

– А сколько тебе?

– Смешная ты. В отцы я тебе гожусь, в отцы!

Он треплет меня по волосам и уходит. Я знаю, что у него есть сын моего возраста или чуть старше. Вероятно, в их семье ласково трепать волосы – привычный жест для проявления нежных чувств. Либо я что-то пропустила, либо мой отец никогда не умел выражать чувства. Меня он хлестал ремнем, приговаривая, что делает это для моего же блага. Из любви ко мне.

Мне плохо. Я ненавижу себя. Ненавижу всех вокруг. Я не хочу жить. Три дня я сидела безвылазно дома. Дэвид тоже не ходил на работу. Мы в третий раз потеряли ребенка. Три раза за семь месяцев. От этой простой арифметики у меня начинает стучать в висках. В горле стоит ком, который я никак не могу сглотнуть. Не могу и не хочу. Если я открою рот, то буду снова орать. Лучше плакать молча и украдкой, чтобы никто не видел. Не знал. На работе все по-прежнему. Я брала больничный. Третий за время, что я здесь. Долорес это не нравится, но пока она не перешла к угрозам уволить меня вслед за Ноланом. Кстати, теперь он новый помощник Дэвида. Та заносчивая плоскогрудая блондинка, что работала у него последние три года, мне

порядком осточертела. Прекрасно зная, что я жена ее босса, она продолжала смотреть на меня как на вошь. Я не вошь. И теперь Нолан Вуд радостно приветствует меня по телефону каждый раз, когда я звоню Дэвиду на работу.

– Передай ему, что у меня все хорошо. Я уезжаю на задание, – сообщаю я в трубку, направляясь к кухонному отсеку, чтобы разогреть обед.

– Как у тебя дела? – интересуется Нолан, и я точно знаю, что это не банальная вежливость.

– По-разному, сегодня вроде лучше.

– Не кисни! Не дай Грымзе тебя сломить! – подбадривает меня он. Разговор окончен.

Куриные котлеты со спаржей выглядят бледно и неаппетитно. На такую еду противно даже смотреть. Я нажимаю на педаль мусорного ведра и отправляю контейнер в кучу бумажных стаканчиков из-под кофе и воды. В животе урчит. На завтрак у меня был только тост с джемом и арахисовой пастой. Желудок давно справился с таким скромным лакомством. В последнее время я ем за двоих, а то и за троих. Зачем? К чему пить витамины? Колоть гормоны? Мое чрево не предназначено для жизни!

Я варю себе кофе, когда к микроволновке со своим контейнером подходит Бриджит. Обычно она ходит на обед либо с Зоуи, либо с Шоном, но не сегодня. Можно было бы спросить, вернее, съязвить на эту тему, но мне не хочется. Я смотрю на ее большой живот и снова чувствую, как ком подкатывает к самому горлу. В глазах все туманится. Я не боюсь расплакаться. Я ничего не боюсь. Я просто стою и смотрю на нее. Молча. У меня за спиной трещит кофеварка. В воздухе чувствуется острый запах свежесваренного кофе. Еще пара секунд – и мой бодрящий напиток будет готов. Бриджит поворачивается ко мне, и мы впервые за все это время встречаемся глазами.

– Чего уставилась? – спрашивает она.

Да, наши отношения ничто и никогда не изменит. И тем более беременность. Ее беременность. Меня трясет. Бьет дрожью злости и негодования изнутри. Из самого чрева. Я не понимаю, что делаю. У меня нет мыслей. Но есть цель. Моя цель – Бриджит.

Глава 17

У озера тихо и безлюдно. Как и всегда. В этих краях не встретишь ни туристов, ни празднично шатающуюся молодежь. Уверена, они все давно подались либо в Кливленд, либо вовсе переехали в другие штаты. Туда, где жизнь бурлит. Я поднимаю с земли плоский камень и пускаю его над ровной гладью воды. Раз, два, три, четыре – короткие остановки, и он уверенно идет ко дну. Вода кругами расплзается по поверхности озера. И снова тишина. Но я знаю, так будет недолго. Он скоро придет сюда. Он знает, что я его жду. У меня для него, как и всегда, есть маленький гостинец.

Я озираюсь. Вокруг ни души. И только из леса, что с северной стороны обрамляет озеро, доносится едва различимый треск. Я улыбаюсь. Я могу не помнить того, что было вчера, позавчера или даже месяц назад, но эти встречи мне не забыть никогда. Они наполняют мою жизнь здесь хоть каким-то смыслом...

Глава 18

Из журнала меня уволили. Без предупреждений и угроз. Долорес сделала это, Отис не раздумывая и не церемонясь. Мои доводы ее не интересовали. Да и что я могла сказать? Как объяснить то, что я набросилась на Бриджит и выдрала из ее прекрасной головки клочок волос. Я хотела выдрать больше, но она начала орать. Визжать, как чокнутая. Она прикрывала руками свой живот, точно я собиралась бить ее туда. Вообще-то, не могу с уверенностью сказать, что не думала об этом. Я вполне могла это сделать. Но не сделала.

Однако Долорес достаточно и того, что есть. Шон орет на меня в голос. Он успокаивает Бриджит, одновременно проклиная меня. Он называет меня ненормальной. Мне не впервой слышать такие обвинения. Мужчинам проще назвать женщину чокнутой, нежели попытаться

ее понять. Шон никогда не пытался меня понять. Только обещал, но не делал. С Бриджит у него все по-другому. Ей он обещал жениться, и она носит на пальце его обручальное кольцо. Я не чокнутая. Просто не надо было меня обижать. Не надо было делать больно!

Шон увез Бриджит в больницу. Они боятся за малыша. Но представление не закончено. Долорес в свете софитов. Она обзывает меня последними словами. А я молча стою перед ней, как школьница. Слезы больно жалют лицо. В кабинет входит Говард. Он мой конвоир. Он проводит меня к выходу, чтобы я больше не могла никому причинить вреда. Будто здесь еще есть кто-то, кого бы я так же дико ненавидела, как Бриджит. Зоуи прячется в углу, за спиной Лэнса. Дура. Неужели она действительно думает, что мне есть до нее дело. Она вызывает жалость. Даже сейчас, когда пытается спрятаться за этим смазливym пареньком. Кстати, а почему бы нет. Может быть, это единственный ее шанс прикоснуться к такому, как Лэнс. Мне хочется улыбнуться, но я сдерживаюсь. Они неправильно меня поймут. Они и так уже все неправильно поняли.

Глаза раздражены от слез. Приходится часто моргать, чтобы картинка оставалась четкой и ясной. Я хочу запомнить их лица. Хочу впечатать их в свою память именно такими, какими вижу теперь. Сейчас они более настоящие, чем были в тот день, когда я только пришла сюда. Чем были все то время, что я работала здесь. Маски прочь. Момент истины настал. Я медленно прохожу мимо Отиса. Он смотрит мне в глаза не моргая. Сложно понять: осуждает он меня или, может быть, даже ненавидит. Но мне кажется, что я вызываю у него интерес. Я загадка, которую он хотел бы разгадать. «В другой раз, дружок», – мысленно отвечаю ему я, продолжая идти вперед. Картер, стоит у стены, запустив руку в волосы. В лучшие времена мы бы с Оззи смеялись в голос: Картер и его куриное гнездо. Но сейчас нам не до смеха. Сегодня у нас выходной. Райан. Встретаться с ним взглядом тяжелее всего. Я вижу, как он опускает голову, прячется за монитором компьютера. Я не держу обиду на него за это. Он навсегда останется мне другом. Я знаю, что он пытался меня оправдать. Он рассказал Долорес о моем выкидыше. Думаю, это и повлияло на ее решение. Она не выдала мне «волчий билет». Вероятно, я смогу устроиться в другое издание. Но хочу ли я?

Я чувствую тяжелые шаги Говарда за спиной. У меня нет времени на сантименты. Я ухожу, едва сдерживаясь, чтобы не закричать радостно: «Прощайте!» В коридоре я чувствую, как пальцы Говарда крепко сжимают мой локоть, когда мимо нас проходит девушка из отдела рекламы. Я не пытаюсь просить его ослабить хватку. Достаточно просто посмотреть в его глаза, чтобы понять: дружба закончилась. Жаль. Мне будет его не хватать.

Мы подходим к выходу, и он молча открывает передо мной дверь. Мне тоже нечего ему сказать. Я выхожу на шумную улицу Манхэттена и жадно вдыхаю живительный сентябрьский воздух. Я снова могу дышать. Наверное, теперь я смогу еще и начать жить...

Бриджит не подает на меня в суд. Хотя могла бы. Я знаю, она жаждет моей крови. В этом мы с ней похожи. Если бы Шон не помешал мне, кто знает, может быть, клочок волос был бы не единственным моим трофеем в этой схватке. «Зуб за зуб» – это, пожалуй, единственное правило отца, которое прочно вросло в мою ДНК. Есть вещи, которые я не могу простить. Никогда. И все же инцидент в прошлом. Уверена, не без содействия Шона. Все это время он жил с чувством вины передо мной. А теперь мы квиты. Он свободен. Я свободна.

Дэвиду я ничего рассказывать не стала. Ему хватает забот и без этого. Работа над каким-то объектом отнимает у него много сил и времени, оставшиеся часы он без устали тратит на то, чтобы снова впрыснуть в меня свое семя. Второй протокол ЭКО мы сможем сделать только через полгода. Но мы не отчаиваемся. Пьем таблетки и продолжаем попытки. Мы одержимы желанием стать родителями. Здесь и сейчас.

– Ты общаешься со своей бывшей женой? – неожиданно для себя спрашиваю я, когда очередная попытка зачать ребенка прокладывает путь по моим маточным трубам.

Я стою в позе «березки», подняв вдоль стены ноги. Бывалые пользователи форумов счастливого материнства рекомендуют этот способ как самый действенный и надежный.

– Нет, ты же знаешь, – отвечает Дэвид.

Он лежит рядом со мной. Абсолютно голый. Немногие сорокалетние мужчины могут похвастаться такой атлетической фигурой и животом в упругих кубиках пресса. Дэвид три раза в неделю ходит в спортзал, а еще бегает в Центральном парке. В последнее время его расписание нередко дает сбой, как сейчас. По утрам в субботу обычно он бегал, но марафон стать родителями важнее. Он умеет правильно расставлять приоритеты.

– А почему вы расстались? – спрашиваю, чувствуя легкое головокружение: поза «березки» не самая удобная. Но я не жалуясь. Я терплю.

– Не важно. Это в прошлом.

Я знаю, что он не любит говорить о прошлом. Дэвид вообще мало говорит о себе. Но и обо мне он тоже не спрашивает, особенно после той исповеди насчет Джима. Хотя исповедь – это вроде должна быть правда, а та историю, которую я рассказала ему, гораздо лучше нее. Я сказала, что мой парень заставил меня сделать аборт. Нет, не так. Я сказала, что он накачал меня наркотиками. Аборт был неизбежен. Дэвид мне поверил. Он видел мои слезы. Он видел боль в моих глазах. Он знает, что я, как и он, мечтаю о ребенке. Мы с ним будем самыми лучшими родителями.

– Раз в прошлом, значит, больше не болит. Значит, ты можешь мне довериться. Как сделала я, когда рассказала о Джиме. Мы же договорились с тобой быть честными, разве нет? – спрашиваю я, обиженно складывая губы в трубочку.

Упоминание о моем прошлом дает трещину в его броне. Он волнуется обо мне. Он знает, какую боль доставляют мне эти воспоминания. Ему кажется, он понимает, через какой ужас мне пришлось пройти. А я чувствую, что его развод гораздо больше, чем «не сошлись характерами».

– Я не хочу говорить о Барбаре, – говорит он, вставая с кровати.

Он подходит к окну. Нагота его не смущает, как, впрочем, и меня. Я все еще стою в позе «березки», хотя едва ли это оправдано по прошествии десяти-пятнадцати минут.

– Она меня предала. Она не была той женщиной, какой я ее видел.

Тело гудит от неудобной позы. Но я не двигаюсь. Я жду. Я знаю Дэвида: начав говорить, он уже не остановится.

– Она убила нашего ребенка. Она сделала аборт.

У меня затекло все тело. Я чувствую, как ноги хотят упасть на подушку, но продолжаю удерживать их наверху. Я хочу подарить Дэвиду ребенка. Он должен это знать. Он должен это видеть.

Глава 19

Освежающий ветерок приятно дует мне в спину, раздувая волосы в разные стороны. Они сильно отросли и теперь лезут мне в глаза, рот. Я даже не пытаюсь этому помешать. Мне нравятся их шелковистые прикосновения. Сидя на мокрой траве, я смотрю перед собой, медленно меняя ракурс. Не хочу больше видеть густой темный лес. Нет, меня он не страшит. Я хорошо знаю его тропы. Это мое место силы. Он такой же, как я. Густой. Нелюдимый. Со своими тайнами. Но сейчас мне хочется чего-то ясного и понятного. Я ложусь на землю, не опасаясь испачкать белую майку. Ткань, как и ноги, легко отмыть. Ватные облака висят низко над землей. Я протягиваю к ним руки. Мне хочется дотянуться до небес, почувствовать их легкость и свободу.

Думая про свободу, я вспоминаю о своем маленьком преданном друге. Как я и думала, он пришел ко мне вовремя. Милое перестукивание скорлупок ласкает слух— это мой друг не оставляет попытки найти хотя бы еще одно сладкое ядрышко. Но вместе с этим я слышу шелест травы и шаги. Все ближе и ближе...

Глава 20

Только за последнюю неделю я отправила десять резюме. В графе «Образование» стоит прочерк. В разделе «Краткая биография» нет ничего, о чем я хотела бы рассказать. Я точно знаю, что эти анкеты, как и все предыдущие, полетят сразу в мусорное ведро. Ответа ждать не стоит. Мой телефон молчит уже пять месяцев. Ни предложений о работе, ни звонков от друзей. Дэнис, бывшая соседка по комнате, – моя единственная хорошая знакомая в Нью-Йорке. Мы обещали друг другу поддерживать связь. Но я не помню, когда слышала ее в последний раз. Наверное, Рон был прав: я ужасный человек, я не умею дружить.

Но Дэвида не волнует ни то, что у меня нет подруг, ни то, что я осталась без работы. И так было с первого дня. Я для него открытая книга. Он думает, что я сирота.

Нормальную зарплату в журнале «Фокус» я получала только последние два месяца работы. Но даже этого короткого срока оказалось достаточно, чтобы привыкнуть к деньгам в кошельке. Не копейкам, как раньше, а именно деньгам.

Дэвид знает, что я не работаю, и дважды в неделю оставляет на комодке две столондаровые купюры. Еще год назад это было целое состояние. Сейчас это тоже хорошие деньги. Я экономна.

В следующем месяце меня снова возьмут в протокол. И мы активно готовимся к этому событию. Я пью таблетки, чтобы обогатить свой организм витаминами. Занимаюсь йогой, чтобы перестать думать. Я много думаю. А еще больше фантазирую. Мое воображение – мой главный враг. Но Дэвид считает, это талант.

– Снова тишина? – спрашивает он, наблюдая за тем, как я проверяю почту в телефоне.

Он садится рядом со мной на диван. Он пьет виски со льдом, а мне протягивает стакан апельсинового сока. В какой-то книге по планированию беременности говорилось, что высокое содержание цитрусовых в рационе питания будущей мамы повышает шанс зачать мальчика. Мы хотим сына. Наследника Герра.

– Не важно. Сейчас все равно не лучшее время, чтобы устраиваться на новую работу, – говорю я, убирая телефон в сторону.

– Это верно. Да и потом тоже. Я хочу, чтобы ты посвятила себя воспитанию наших детей.

– Да, я помню. Но мне нужно чем-то заниматься. Я устала ничего не делать.

Я не лукавлю. Не помню такого времени, чтобы я не работала. Я работала даже в детстве. Но тот труд не оплачивался. Сейчас же я даже не готовлю. Дэвид продолжает заказывать еду на дом. Сегодня у нас будет китайская кухня, и курьер из ресторана скоро постучит в нашу дверь.

– Может быть, пора писать книги? – спрашивает он, и я словно вынырываю из небытия.

Я смотрю на него во все глаза, но уже не слушаю. Его случайно брошенная мысль, словно снежный ком, растет у меня внутри. Набирает силу. Писатель. Писатель. И почему эта мысль пришла ему, а не мне? Почему я сама не додумалась до этого? Я всегда любила читать. Я и сейчас много читаю. В основном, конечно, книги по беременности и планированию, но это тоже литература. Разве нет? Ее кто-то написал. И я смогу. Нет. Писать о планировании или беременности я не смогу. У меня не получится...

– У тебя хорошее воображение. Ты мыслишь нестандартно. Мне кажется, ты сможешь писать. Давай ты напишешь нашему малышу сказку, а лучше сразу сборник.

Дэвид возбужден не меньше меня. Он верит в меня. Я буду писателем.

Я снова беременна. Срок – восемь недель. И мы с Дэвидом верим в успех. В этот раз я много лежу. Не делаю резких движений. А еще я разговариваю с малышом. В книгах пишут, что даже размером с горошину ребенок слышит голос и реагирует на состояние матери. Я не нервничаю. Я спокойна. В этот раз все по-другому. Меня даже не тошнит, как бывало прежде. И я хочу верить, что все получится. Но сегодня ночью я снова проснулась от кошмара и долго шарила рукой по простыням. Они были сухими. Я поняла это сразу, но мой мозг отказывался в это верить. Я включила свет. Все чисто. Сердце стучало в груди, и, только прильнув к груди Дэвида, я смогла успокоиться и уснуть. Мне с ним очень повезло. Иногда мне кажется, что Дэвид был послан мне богом за все страдания и боль, которые мне пришлось пережить раньше. Вообще-то в бога я не верю, хотя мама в детстве таскала меня по воскресеньям в церковь. Но отклика в моей душе религия не нашла ни тогда, ни даже теперь. Я верю в себя. Так надежнее.

Дэвид ушел на работу. Я снова одна. Одиночество меня не пугает. Мне нравится быть одной. Я поудобнее устраиваюсь в постели и ставлю себе на колени лэптоп. Я пытаюсь писать, но у меня ничего не выходит. Ничего стоящего.

Я хотела писать о Зоуи. Мне казалось, она как раз тот нетипичный персонаж, которого так навязчиво рекомендуют мне все учебные пособия по литературному мастерству, которые я только смогла купить в «Барнс энд Ноубл», а также заказать на «Амазоне». Я читаю их пачками, но результата нет. На бумаге Зоуи ведет себя так же нелепо и глупо, как в жизни. Она меня раздражает. Других идей у меня пока нет. Многие авторы предлагают начать с себя, попытаться перенести на бумагу какой-то эпизод из жизни, дополнив его вымыслом. Но мне это не подходит. Мое прошлое и без приукрашиваний похоже на вымысел. Нет, о себе я писать не хочу.

– Как успехи? – за последние две недели Дэвид неустанно задает мне этот вопрос, возвращаясь с работы.

Я не знаю, что ему ответить. Он волнуется за меня. Он любит меня. А я люблю его.

– Все хорошо. Похвастаться пока нечем, но я в процессе. Эти книги обязательно помогут найти правильную мысль, – отвечаю я, когда он наклоняется и целует мой живот.

Я вдыхаю аромат его духов, дополненный запахами любимого города. Весной Нью-Йорк для меня пахнет кофе и свежей выпечкой.

– Это хорошо. Главное, чтобы это была сказка. Мне кажется, так будет правильно, – говорит Дэвид, целуя меня в губы.

Я и забыла о том, что должна писать сказку. Зоуи занозой сидит у меня в голове. Мне не забыть ее затравленный взгляд из-за плеча Лэнса. О ком, если не о такой идиотке, должна быть моя первая книга. И все-таки Дэвид прав. Наш малыш важнее всех и вся. Зоуи подождет. Ее звездный час еще обязательно настанет.

– Давай съездим на выходные в Акрон, – предлагает Дэвид, переодевшись к ужину.

Акрон – это небольшой город в штате Огайо. Но для Дэвида это нечто большее, чем просто населенный пункт, отмеченный на карте. Для него это родительский дом. Дом его детства. За тот год, что я гордо ношу фамилию Герра, мы были там всего однажды. Зимы там снежные и суровые. А дом старый и большой. Он мне напоминает тот, в котором выросла я сама, только мой не был таким темным и фундаментальным. У Дэвида настоящее родовое поместье, с красивым фамильным гербом на фронтоне и колоннами у входа. Когда я увидела его на фотографиях, он мне показался неприступной крепостью. В жизни это не совсем так. Увидев его впервые, я подобрала для него куда более подходящее сравнение: дом-отшельник. Мне там не нравится. Там неуютно. Страшно.

– Я думаю, мне лучше повременить с поездками. Я боюсь, как бы это не навредило малышу, – говорю я, стараясь не выдать своей незаинтересованности в этой затее.

– Да, ты права. Пожалуй, лучше я один съезжу. Хочу проверить, как дом пережил зиму, – говорит Дэвид, усаживаясь на свое привычное место за столом. – Справишься без меня два дня?

– Конечно, – парируя я, открывая коробку с горячей пищей «Маргарита». – У нас все будет хорошо.

Глава 21

Я слышу, как она подходит и неспешно раскладывает свой тряпичный стул. Она ставит его в паре футов от меня и наконец садится. Приторный аромат ее духов смешивается с запахом травы. Интересное сочетание. Но меня оно не раздражает. Я продолжаю лежать с закрытыми глазами. Наверное, она считает меня спящей, потому что продолжает молчать. Обычно она слишком болтлива. Но меня это устраивает. В тяжелые дни мне не хочется говорить, мне хочется слушать. В такие дни я прихожу к озеру и жду, когда она появится. Она еще ни разу меня не подвела.

Глава 22

Я не справилась. Сегодня ночью меня снова доставили в больницу в карете скорой помощи. Врачи пытались остановить кровотечение. Но даже сейчас, десять часов спустя, я все еще чувствую, как жизнь уверенно вытекает из меня. Мы с Дэвидом сидим в кабинете врача, пытаюсь уловить смысл ее мучительно долгой речи. Она оперирует какими-то медицинскими терминами. Постоянно ссылается на исследования и разводит в стороны руки. Ее я не слушаю. Я отрешенно смотрю в окно. Мысленно я далеко за пределами этого просторного кабинета, в котором чувствуется сладковатый запах гниения. Хотя, наверное, это снова игры моего воображения. А может быть, так пахну я? Глаза болезненно реагируют на свет. Я плакала всю ночь. Я бы выла и сейчас, но я не хочу огорчать Дэвида.

– Честно говоря, я ничего не понимаю. Вы можете объяснить, в чем дело, простым языком? Моя жена – молодая и здоровая женщина. Это я понял. Тогда что не так? – Дэвид нервничает.

Его терпение на исходе, и я его не виню. Он имеет право злиться. И я рада, что хотя бы один из нас может не сдерживаться. Может что-то требовать. Этому качеству я так не научилась. Мне проще уступить. Но уступить, не значит проиграть. Уступить – это просто выждать время.

– Простым языком... – растерянно повторяет Аманда. – Хорошо. Полость матки покрыта особым слоем, который обеспечивает безопасное развитие эмбриона. Но в вашем случае среда очень враждебно настроена к зародышу, воспринимает его как инородное тело. В определенный момент матка начинает активно сокращаться, изгоняя из тела все лишнее. В данном случае ребенка. И, как результат, на сегодняшний день вашей супруге поставлен диагноз «привычное невынашивание».

– Матка воспринимает ребенка как инородное тело? – повторяет Дэвид.

Я поворачиваюсь к нему, чувствуя его пронизывающий взгляд. Он смотрит мне в глаза, а потом медленно скользит ниже. Живот – его цель. Моя матка с враждебной средой.

– Да, такое бывает, – пытается снова завладеть нашим вниманием доктор Стюарт. – В данный момент эмбрион воспринимается кем-то вроде захватчика, от которого матка вашей супруги уже научилась успешно избавляться. До этого мы отвергали эту версию, так как такое встречается нечасто. Но, похоже, это как раз тот самый редкий случай.

Голос врача звучит фоном. Она продолжает что-то говорить, и, кажется, мой диагноз не приговор и сегодня это даже лечится. Наверное, мне надо бы попросить рассказать об этом подробнее. Надо бы заострить внимание на лечении. Но я не могу. Я смотрю на Дэвида, и мне становится страшно. Он, не отрываясь, смотрит на мой живот. И я боюсь даже подумать, какие мысли раздирают его душу в этот момент. Впервые я смотрю в его глубокие карие глаза

и не вижу там ни искры интереса, ни нежности, ни тем более любви. Его правильные черты лица кажутся мне острыми и резкими. Неужели это конец?

– Я оставлю вас на минутку, – не выдерживает напряжения доктор Стюарт. – Думаю, вам нужно поговорить без свидетелей.

Мы остаемся одни. Нам есть что сказать друг другу. Мы переполнены мыслями и словами. Но продолжаем молчать.

Первая волна шокового оцепенения прошла только к вечеру. Мы начали обмениваться короткими репликами. Теперь, неделю спустя, мне кажется, я уже не вижу в глазах Дэвида былой враждебности. В них одна только боль. И я не знаю, как ее унять.

О том, что случилось, мы с Дэвидом не говорим. У нас на это нет сил. Мы даже сексом больше не занимаемся. Сейчас, наверное, нельзя. А может быть, уже и не нужно. Нам не до удовольствий. Сегодня я сама приготовила ужин. Мне нужно было отвлечься. Хотелось порадовать Дэвида. Семга с овощами под сливочным соусом. Получилось неплохо. Правда, овощи выглядят не так аппетитно, как из любимого итальянского ресторана. Но, кажется, я ему угодила. Он отправляет в рот одну вилку за другой, а я украдкой наблюдаю за ним. Мне нравится чувствовать себя хоть на что-то годной.

Я не успеваю в полную меру насладиться своей новой ролью, когда замечаю на себе его взгляд исподлобья. Его челюсти активно перетирают мягкое мясо рыбы в кашу. И теперь внезапное осознание действительности тяжелой плитой давит мне на плечи. Я начинаю сутулиться. Мне даже тяжело дышать. Дэвиду совершенно не важно, что сейчас лежит у него на тарелке. Это просто еда, и она не поможет мне растопить лед в его сердце. Я ошибалась. Он ничего не забыл.

– Давай поговорим, – не выдерживаю я.

Не знаю, когда это случилось, но у меня появился страх его потерять. Я не хочу возвращаться на улицу. Не хочу начинать все с нуля. Он – это все, что у меня есть. Я не могу его потерять. Не теперь.

– О чем? – спрашивает Дэвид, принимаясь за новую порцию рыбы. Его желваки приходят в движение.

Я натужно улыбаюсь. Я хочу, чтобы он чувствовал мою силу и стойкость духа, но я сломлена. Я его буквально молю:

– Давай куда-нибудь уедем! Поменяем обстановку. Я уверена, положительные эмоции пойдут нам на пользу. Мы ведь с тобой так и не съездили в свадебное путешествие.

Он промакивает губы салфеткой. Делает глоток воды. Я вижу, как в нем борются разные чувства. Я знаю: он любит меня. Главное – не сдаваться. Главное – быть вместе. Всегда.

– Сейчас не самое подходящее время. У меня большой проект. Ты же знаешь.

Я не знаю. О работе он не говорит. О прошлом тоже. А теперь мы не говорим и о нас. Нас как будто и не существует больше. Но это не так!

Я не знаю, что ответить, и молча принимаюсь за рыбу. Есть мне не хочется, но я нервничаю. Рыба – это диетическое блюдо, напоминаю я себе. Я перестала влезать в любимые джинсы, и на каблуках мне тяжело ходить. В погоне за ребенком я совершенно забросила занятия спортом. Подкосили фигуру и гормоны. Я продолжаю их пить и сейчас. Только теперь у них другая направленность. Они должны удобрить мою матку. Сделать ее гостеприимной. Я не сопротивляюсь. Я терпеливо иду к своей цели.

– Знаешь, а мне нравится твоя идея сменить обстановку, – неожиданно говорит Дэвид. Его правая щека раздувается, словно он пытается языком выудить что-то из зуба. – Думаю, это как раз то, что нам сейчас нужно.

Я не верю своим ушам. Я не могу сдержать улыбку:

– Дэвид! Мой Дэвид! Я так тебя люблю!

Я вскакиваю со своего стула и вешаюсь ему на шею. Целую везде. Без разбора. Я счастлива. Я протискиваюсь между столом и плюхаюсь ему на колени. Моя рука соскальзывает ему под майку. Я чувствую жар его кожи. Меня сводит с ума его запах. Я целую его в губы, когда чувствую, как его руки уверенно сомкнулись у меня на предплечьях. Это придает мне сил. Я хочу, чтобы он был груб. Я хочу, чтобы он излил в меня всю свою злость и боль.

– Подожди. Ты меня неправильно поняла, – говорит он с придыханием.

Он возбужден не меньше меня. Я чувствую его желание. Но его слова колоколом звенят в голове. Что я опять неправильно поняла?

– Я не могу сейчас никуда уехать, но ты можешь. Я думаю, тебе пойдет на пользу пожить это лето в нашем доме в Акроне. Там свежий воздух. Уединение. Я думаю, ты там скорее восстановишь силы. Начнешь писать. Ты же еще не отказалась от идеи стать писательницей?

Он говорит со мной приторно ласковым голосом, от которого к горлу подступает тошнота. Я тонко улыбаюсь, чувствуя, как щиплет в глазах. У меня нет причин отказывать ему в этом решении. Я сама заговорила о смене обстановки.

Он смотрит мне в глаза. И мы оба понимаем, зачем ему это нужно.

Глава 23

Я продолжаю лежать с закрытыми глазами. Наслаждаясь последними мгновениями тишины. Она не сможет долго молчать. Я уже чувствую на себе ее цепкий старушечий взгляд.

– А ну, пошел отсюда! Проваливай, паршивец! – ругается она.

Я не могу и дальше притворяться спящей, иначе она напугает до смерти моего друга. Удивительно, но она не жалуется ни белок, ни бурундуков, которые водятся в нашем лесу.

– Добрый день, Элайза! – приветствую ее я, шурясь от слепящего солнца.

– Ой, прости. Я не хотела тебя будить. Но эти гады совсем страх потеряли! – жалуется она, показывая рукой на маленького бельчонка, который все никак не поймет, что орешков уже не осталось.

– Я их люблю. Они мои друзья, – отвечаю я.

Достаю из кармана последнее ядро и протягиваю его на ладони. Зверек жадно втягивает воздух носом. Он чует лакомство, но все еще не решается подойти ближе. Тогда я бросаю орех ему, и он радостно хватается его мохнатыми лапками. Он чавкает от удовольствия. И я не могу сдержать улыбку.

– Это же Билли. Ты разве его не узнаешь? – спрашиваю я, хотя точно знаю ответ.

Для Элайзы, единственной знакомой мне соседки, лесные твари все на одно лицо. Именно твари. По-другому она о них еще ни разу не отзывалась. Я не злюсь на нее за это. У нее есть на то свои причины. Так, по словам Элайзы, именно белки и бурундуки гадят у нее на крыльце, грызут провода и расшатывают телевизионную антенну. Вероятно, все это действительно может доставлять ей неудобства, учитывая, что она живет одна и ей уже семьдесят.

– Еще чего не хватало, начать разбираться в сортах дерьма! – огрызнулась она, воинственно скрестив на груди руки.

Она забавная. Мне нравится за ней наблюдать. Может быть, я даже сделаю ее своей героиней. Почему бы и нет. Билли же стал, а он не может произнести ни слова, чего не скажешь про Элайзу. Поначалу я от нее уставала. Я очень быстро переставала ее слушать, погружаясь в свои тягостные мысли. Но постепенно я привыкла к ней, а недавно даже начала слышать. Зря я не сделала этого раньше. Она просто кладезь историй. Она помнит Дэвида таким, каким его уже не знает никто.

Она неспешно проливает мне свет на темные пятна в его биографии. Сегодня я узнаю о том, что мать бросила его через год после трагической смерти мужа. А потому воспита-

нием Дэвида занималась его бабушка Дора. Элайза – удивительный человек. Она любит читать, наблюдать, а главное, никогда и ничего не забывает.

Сегодня с меня достаточно историй. Я чувствую, как у меня снова начинает урчать в животе. Поднимаюсь с земли и стряхиваю с волос травяной мусор.

– Была рада поболтать, Элайза, – говорю я.

– Всегда рада тебя видеть, Сэм! – отвечает она мне вслед.

Мои ноги приятно утопают в траве. Я не оборачиваюсь. Я уже давно привыкла к тому, что все вокруг зовут меня Сэм, но я точно знаю, что я Сарра!

Часть II

Глава 1

Я стою у окна в своей спальне и смотрю на пустынную улицу. С третьего этажа создается обманчивое ощущение, что до дороги не больше десяти шагов. Но их ровно сорок два. До соседнего дома – триста восемьдесят семь. До начальной школы – восемьсот десять. Я не беру эти цифры с потолка. Я их точно знаю. Я считала. В этой забытой богом глуши развлечений немного, и так было всегда. Я с детства придумываю себе новые игры и задачи. Считать шаги всегда было моим излюбленным занятием.

Отхожу от окна, стараясь не шуметь. На мне надеты тяжелые кожаные ботинки, вроде тех, что носил мой отец. В наших краях понятие моды относительно. Модно то, на что тебе хватило денег, то, во что залез твой зад. С фигурой мне повезло. Сколько себя помню, мой вес никогда не превышал отметки 110 фунтов¹. И я могу позволить себе носить эти короткие джинсовые шорты и майку с рваным краем. Но вот с деньгами беда. И так тоже было всегда. Правда, сейчас во вшитом кармане трусов у меня лежат четыре сотни. Это все, что я смогла найти. Все, что у меня есть, для того чтобы начать жизнь с нуля. Все, что мне нужно, для того чтобы получить дивиденды за эти восемь лет нищеты.

Глава 2

Теперь, по прошествии стольких лет, сложно сказать, какое событие послужило катализатором всему. Вернее сказать, их было несколько, но самым судьбоносным для себя я считаю тот, когда отцу становится плохо. Ужин уже закончился, но отец не встает из-за стола, и мы с матерью тоже сидим. Он рассказывает о своей ссоре с Томасом Шепардом, своим лучшим другом. Я давно потеряла нить этой беседы. Я думаю о том, как бы поскорее подняться к себе в комнату, открыть окно и впустить в дом Дикого. Дважды в неделю он играет в Тарзана, лазая по балконам и окнам нашего дома. Время уже почти восемь, а значит, он уже где-то под окнами. Дурманящее разум желание приятной истомой прокатывается по моему телу, когда я слышу пронзительный вопль матери. Я вынырываю из своих грез, и картина перед глазами заставляет мое сердце сжаться от ужаса. Лицо отца перекошено. Он сидит на своем месте, но я вижу, как накрывается его тело. Мать пытается его удержать, но он тяжелый. Еще одна секунда – и он падает на пол. Я вижу, как из правого угла рта стекает слюна. Его глаза мечутся в глазницах. Ему страшно. Нам всем страшно.

Я чувствую, как у меня трясутся ноги и руки. Тормошу отца, пытаюсь с ним говорить. Мои слезы катятся по щекам и капают ему на лицо. Впервые он не ругает меня за слабость. Впервые он молчит, а мы с матерью никак не можем закрыть рты. Мы говорим, орем, причитаем.

«Скорая» приехала быстро. Это дает мне надежду думать, что с отцом все будет в порядке. Мы отделаемся только испугом. Иначе и быть не может.

Мы с матерью сидим в просторном коридоре под дверью с табличкой «Реанимация». Дикая привез нас сюда, но я его больше не вижу. У меня нет желания думать или осуждать его за бегство, и тем не менее я ловлю себя на мысли: он ушел. Даже не попрощался, не предложил помощи. Просто взял и ушел. Молча. Настоящий мужчина. Я стараюсь думать об отце, но постоянно возвращаюсь к Дикому. Злюсь на него. На себя. А больше всего на то, что моя злость ничего не изменит. В этой глуши под названием Клайо в штате Алабама Дикая лучшее, что я могу себе отхватить. Я знаю. Я проверяла.

Двери распахиваются широко и беззвучно. Перед нами стоит мужчина в униформе цвета морской волны. Смотрю в его глаза, и земля под ногами превращается в зыбучие пески. Я

чувствую слабость в коленях. Крепко держу мать за руку, пытаюсь разобрать хоть слово из его тягучей речи.

– М-м-н-не-о-оч-е-е-нь-ж-жа-а-ль...

Дальше я не слышу. Я ору. Ору во все горло, плотно сжимая глаза. Вокруг становится темно, тихо и спокойно.

Мои худшие опасения не подтвердились. Сердце отца все еще бьется. Но у него случился обширный инсульт. Теперь только внешнее сходство напоминает о том, что этот молчаливый человек в инвалидном кресле – мой отец. У меня внутри все рвется на части, когда наши взгляды встречаются. В его глазах нет былой уверенности и твердости, они мягкие и затравленные, как у того кота, что жил у нас дома в детстве. Мать его кастрировала на третий день, после того как он начал метить территорию. В тот день кот по кличке Блот потерял интерес к жизни. В глазах отца я вижу такую же безнадежность и отчаяние. Он словно заперт в клетке, только ключа от нее у меня нет. Ни у кого нет. Последствия инсульта необратимы. Я читала. Никогда не любила читать. У меня от этого болят глаза. Но медицинский справочник прочла. Болезнь отца рушит мою жизнь. Не то, чтобы она у меня была такой яркой и значимой, но это моя жизнь. Я была на нижней ступени карьерной лестницы, а теперь даже не знаю, где я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.